

A movie poster featuring a man and a woman. The man, on the left, is muscular, has dark hair, and is wearing a black t-shirt. He has tattoos on his chest and left arm. The woman, on the right, is seen from the back, wearing a light blue lace dress. They are standing in front of a blurred background that appears to be a city at night with a large building. The title 'Анна Зыр' is written in a stylized, cursive font in the top left corner. The main title 'ПРИНЦЕССА ДЛЯ КИЛЛЕРА' is at the bottom in large, bold letters.

*Анна
Зыр*

ПРИНЦЕССА
ДЛЯ КИЛЛЕРА

Анна Гур
Принцесса для киллера
Серия «Одержимые», книга 4

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68037175
А. Гур. Принцесса для киллера:*

Аннотация

Я – дочь одного из самых богатых и влиятельных криминальных авторитетов страны.

ОН – монстр с изуродованным лицом и душой. Огненный. Яростный. Безбашенный. Дерзкий. Пробивающий себе путь к вершине с самых низов.

Я оказалась в безвыходном положении и совершила ошибку, попросив о помощи ЕГО. Теперь я должница киллера, который вправе требовать с меня долг любым способом...

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	54
Глава 11	60
Глава 12	68
Глава 13	73
Глава 14	75
Глава 15	81
Глава 16	88
Глава 17	93
Глава 18	103
Глава 19	108
Глава 20	113
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Анна Гур

Принцесса для киллера

Анна Гур

* * *

Пролог

Я падаю на колени перед сильным мужчиной. Трясусь, протягиваю к нему дрожащие руки.

Графитовые глаза смотрят холодно, прошивают безразличием. Сжимает челюсти, желваками играет, губы напрягаются, акцентируя шрам.

Жестокий. Беспощадный. Боюсь его до безумия. Но сейчас готова переступить свой психоз и вцепиться в джинсовую материю брюк, обтянувшую мощные ноги. Готова содрогаться в конвульсиях и умолять.

– Прошу... отпусти его, дай уйти... – слезы текут, мешают выговаривать слова – он...

Перебивает, не церемонится со мной. Роли поменялись. Теперь хозяин ОН.

Свирепый взгляд выстрелом и суровое:

– Виновен и заплатит за это жизнью...

Всхлипываю, распахиваю в ужасе глаза.

– Все не так! Прошу... Ты не знаешь... – шепчу комканно в преддверии приступа панической атаки. Всматриваюсь в красивые-некрасивые черты киллера и кусаю губы в нерешительности... Не знаю, как уговорить, что пообещать. Все внутри трепещет от боли и ощущения катастрофы.

Склоняет к плечу голову. Рассматривает и всю вспарывает ртутным взглядом. Голой себя чувствую и уязвимой, пе-

реломанной этими сильными ручищами, которые забиты та-
туировками под завязку.

Видит меня всю насквозь. Умный. Проницательный.
Опасный.

– Ну, давай, принцесса, удиви меня своей банальностью...
предложи себя! – ухмыляется и меня током бьет от рвано-
го оскала Джокера. – Женщинам иногда кажется, что у них
между ног золотой фонд, который можно продать за нехи-
лую такую цену.

Издевается и прав во всем.

Я не стою и цента. Если ОН сейчас захочет, то возьмет все,
что ему нужно, как это и делает Фил Гринвуд по прозвищу
Джокер.

Глава 1

Фил Гринвуд

Прищуриваюсь. В глазах от света и блеска рябит.

Стою в огромной гостиной с мраморным полом, скульптурами и люстрой с блестящими висюльками.

Чувствую себя здесь черной кляксой. Не вписываюсь в богатенькую обстановку от слова совсем.

– Ситуация с Серебряковым лажовая, Джокер. Темнит чего-то. Видно, решил в свободное плавание уйти. Крышу сменить.

Встречаюсь с белесыми, выцветшими глазами Вани Кровавого и все внутри переворачивается.

– Похоже на то, – отвечаю коротко.

Ненавижу. Этого. Мудака.

Кажется, что опять на коленях стою. Запах палыбы и гари в легкие забивается и ярость накрывает безумием. Пустая. Немошная.

Жизнь ему свою торчу. И сделать ничего не могу. Свинец в лоб вогнать не могу. Не по понятиям.

– Сашка тормозит. Неспроста это. Воду мутит. В конец оборзел, гад, забыл, кому и что должен! – звереет Кац и с силой грохает фарфоровую чашку об стол.

Молчу. Слушаю.

Жизнь – сука, как ни крути.

Старшие наши с Кровавым не поделили зоны влияния и в итоге стала бойня, где по приказу Вани всех ликвидировали.

Всех пацанов, с которыми ад прошли детдомовский. Годод трущобный. Всех перебили, а меня жить оставили. Увидел главарь синдиката во мне что-то. Приблизил.

– Будь готов, Джокер. Дело под твоим контролем. Под личную ответственность, – ледяные интонации.

Киваю. Ничего нового. Головой отвечаю. Как всегда.

До тонкого слуха доходит звук легких шагов. Кац не реагирует. А вот у меня профессиональный навык – улавливать малейший шелест.

Перевожу взгляд за спину хозяина, смотрю на лестницу. Широкие и массивные мраморные ступени ближе ко второму этажу превращаются в площадку.

Тук-тук-тук, – не слышалось.

Шаги незнакомые.

Взгляд упирается в статую полуголой бабы с мужиком в обнимку на площадке в центре лестницы, которая делится и идет в две стороны, в разные крылья особняка.

– Я уже пацанов приставил пасти ближнее окружение, – продолжаю базарить как ни в чем не бывало. С виду и не поймешь, что взгляд расфокусировал и слежу за непонятной движухой. – Лютый скоро с вестями подъедет. Если есть что, мимо нас не пройдет.

Кац довольно ухмыляется.

– Ты оперативен, Джокер. Далеко пойдешь.

Тук-тук-тук.

Внутренне подбираюсь.

Смещаю взгляд чуть влево, приближаются явно с той стороны.

По сути, опасности нет. Вся территория бойцами наспигована и в доме хозяина чужих быть не должно. Но.

Предчувствие срабатывает. Сирена воет, пылает красным светом. Мышцы напрягаются. Пальцы колет так, что хоть за пушку хватайся.

Тук-тук-тук – бьет по нервным окончаниям.

Задерживаю дыхание. Расставляю ноги. Рефлекс стрелка.

Тук-тук-тук – уже громче.

Что происходит, мать его?!

– Ситуация давно назревает, – задумчиво произносит старший. – Если подтвердится, что крысятничает падла, ты знаешь, что должен делать, Джокер.

– Решу вопрос, – отвечаю коротко.

Тук-тук-тук.

Короткая заминка и я выхватываю взглядом женскую фигуру. Кровавые волосы. Белый сарафан. Легкий, невесомый

шаг.

По ощущениям – мне сейчас врубают со всего маха в солнечное сплетение.

Вгрызаюсь в тонкие черты, нежные, с полными, сочными губами, которые будто только что со всей силы имели.

Не девочка, видение...

Ровный шаг, прямая спина, уверенный взгляд.

Залипаю на ступнях, обутом в каблучки на босу ногу, на маленьких пальчиках с розовыми ногтями, мелькающих под длинной юбкой.

Все тело огнем простреливает. Торкает.

Ангел в преисподнюю заглянул?!

Меня сворачивает, когда красавица подходит со спины к самому исчадию ада, и тонкие руки крепко обнимают Каца за шею, а пухлые сочные губы замирают на щеке с седой бородкой.

Прикладом в затылок получаю. Внутри все взрывается яростью. Необъяснимой ревностью. Ненавистью.

Крепкая ручища обхватывает тонкие запястья, поглаживает ровные пальчики, и я вижу невероятное. Проблеск эмоций в мертвых глазах, улыбку, проскользнувшую на жестком лице.

– Маша, – проговаривает Кац. – Машенька...

Подвисяю от шипящих звуков. Имя странное. Русские вообще интересно имена коверкают. Растягиваю и повторяю внутри, чувствую пульсацией на языке. Так и тянет повто-

ритель, на вкус попробовать, прохрипеть.

– Мэри, – хмуро поправляет рыжая ведьма.

Ваня свой взгляд в девчонку упирает. Давит. А она вдруг улыбается.

Охренеть.

Током член простреливает. Челюсти сцепляю, чтобы не взвыть в голос и не рвануть вперед, не отодрать ее от монстра.

Руки в кулаки сжимаю, чтобы не потянуться за пушкой. Ярость буквально выжигает. Едкая зараза поднимется адовым пламенем, вспыхивает, обжигает внутренности.

Сигналкой в мозгу высвечивает – МОЯ.

Хочу, чтобы эти тонкие руки обвилились вокруг моей шеи. Поцелуи ее хочу совсем не целомудренные в щеку. Рот ее хочу, язык и зубы, чтобы в мое плечо впивались, пока на всю длину буду натягивать. Чтобы кричала и кончала, распятая подо мной.

Сжимаю зубы. Отгоняю мысли.

Хрена себе, только взглянул, а меня так кроет?!

– *Я скучала, пап...* – голос меня окутывает шелком и неожиданно душит удавкой.

Дочь. Она. Мать Его. Дочь. Врага.

По ощущениям, сейчас в меня льдом запустили и кипятком ошпарили.

– Как сессия?

Ведьма зеленые глаза прищуривает. Сексуальные. С поволокой.

– Отстрелялась, – весело и с задором.

Хорошая шутка. Чуть не ржу с дуру. Здесь все с пушками наперевес.

Кац вдруг на меня взгляд переводит, вспомнил, что не отпуская.

– Свободен, Джокер. С ответом вечером придешь.

Моргаю. Прихожу в себя.

Девчонку привлекает наш разговор, поднимает на меня сочные, зеленые глаза. Цвет насыщенный, кажется, что шелест ветра в листве слышу. Тону, погружаюсь в чистые изумруды. Никогда таких ярких глаз не видел. А вот равнодушие в них с ноги в пах бьет.

Но и оно не длится долго. Пугливо вскидывается, застывает, рассматривает уродский шрам.

Губы сжимаю. Знаю, что еще больше коверкаю рваную линию.

Взгляд отводит. На монстра пялиться не хочет. Губу нижнюю прикусывает белыми зубами, а меня током бьет. Сам хочу в эту мякоть вгрызаться и языком на вкус пробовать.

Берется тонкими пальцами за ножку бокала, обхватывает хрустальную кромку ртом и делает глоток. Воду пьет. Напугал ее, видно, монстр своим видом. В себя от зрелища приходит.

Во всем секс.

Разворачиваюсь на пятках и ухожу. Злой, как тысяча чертей. Бешенный. Почему так всего трясет, не понимаю. Ненависть. Жажда. Все смешалось.

Сука. Думал, перегорел. Столько боли нажрался, что никогда не смогу к бабе что-то подобное испытывать. Чтобы так всего скручивало от одного взгляда.

Палить во всю хочется, холодный ствол в руке ощутить и дурь из башки к чертям выстрелять.

Глава 2

Мэри Кац

– Где твоя мать, Маша?

Вскидываю взгляд и пожимаю плечами.

– Спустится с минуты на минуту.

Отец в недовольстве поджигает губы. Он не терпит непослушания и опозданий даже к завтраку, бросаю украдкой взгляд на свой телефон. Время без двух минут девять.

– Пап, я хочу встретиться с девчонками своими. Давно не виделись, – отвлекаю разговором, даю маме фору.

– Хорошо. Бери охрану. Информировать начальника службы безопасности и вперед.

Вздыхаю и закатываю глаза. Я – слабость Кровавого Вани и умело пользуюсь безграничной любовью отца.

– Па, я не буду в танке до торгового центра добираться. Ну, пожалуйста! Пусть твой водитель-телохранитель повезет меня и особо не отсвечивает! Мы с девочками погулять хотим, поболтать, а не переговоры на военном полигоне проводить под бдительным контролем твоих головорезов.

– Не головорезов, а охраны, доча.

Слышу цокот каблучков по мраморной лестнице.

С утра, а уже на шпильках. Привлекает к себе внимание сразу же. Высокая, стройная, удивительно молодая для своих лет. Мама у меня бывшая супермодель, хотя в этой про-

фессии бывшими не бывают.

Встречается со мной взглядом и подмигивает. Как всегда одета и уложена с самого утра. В кремовом облегающем платье. Ни грамма лишнего жира. В этом ей помогает характер, жесткий контроль питания и лучшие косметологи. Которые настолько профессиональны, что их вмешательства и без того красивую от природы внешность абсолютно незаметны. Да и молодая она. Братишку моего непутевого в девятнадцать родила.

Там такая история с отцом у них крышесносная, что можно фильмы снимать. Мама рассказывала со смехом, что увидел он ее где-то и все. В первую незабываемую встречу она знатно перепугалась, когда по приказу русского авторитета ее насильно в машину усадили и увезли на виллу.

Через девять месяцев Димитрий родился. Значительно позже я. За такое можно ненавидеть. Только вот ненависти в странных отношениях родителей нет. А вот любовь я вижу.

– Доброе утро.

Аврора грациозно садится на стул по левую руку от отца и расправляет белоснежную салфетку на коленях.

Улыбается нам открыто, как с рекламного плаката зубной пасты. Бросаю взгляд на телефон, который в эту самую секунду показывает время девять ноль одну.

– Прекрасно выглядишь, мам. Как всегда, – улыбаюсь, подмазываюсь, мне нужна ее поддержка, чтобы переломить отца и выторговать себе немного свободы. А то загнусь на ка-

никулах в этом домище, напоминающем укрепленный форт.

– Спасибо, родная, – мать улыбается еще шире и бросает лукавый взгляд в сторону мужа. Любит его. Несмотря ни на что. Я знаю. Видела, как она рыдает ночи напролет, когда его не бывает рядом. У Ивана Каца темы такие, что смертью все время несет.

4

Странные отношения. Больные. Болезненные. Да и мой отец страшный человек. Я многого не знаю и не стремлюсь к пониманию. Просто я для себя знаю одно. Ничто в мире не бывает абсолютно черным и кристально белым. Во всем есть полутона и намешана куча всего.

– Мам, я хочу сегодня с девчонками встретиться, по магазинам прошвырнуться, в кино сходить. Я соскучилась очень!

– Хорошая идея. Сходи, конечно, – утвердительно кивает. – Вы молодые, что взаперти сидеть.

Мать аккуратно делает глоток воды, и только лишь опустошив бокал, приступает к своей овсянке, приправленной сухофруктами.

Гадость! Как можно давиться подобной пищей изо дня в день? Из года в год.

Мажу маслом горячую, сочную булочку, которую с утра приготовила наша кухарка Вера. Чувствую тающий на языке вкус молочного крема и прикрываю от удовольствия глаза.

Весь прошлый семестр я мечтала об этом. Дом. Конюшня

с моей любимицей и... об одной встрече...

– Вкусно, – облизываю блестящие от масла губы и с хитрецей смотрю в смеющиеся глаза матери. Пытаюсь играть на ее железном контроле. Аврору этим не возьмешь.

– Ребенок, – закатывает глаза и отправляет еще одну ложку каши в рот, тщательно прожевывает. Вспоминаю, что и в этом есть методика. Она всегда жует определенное количество раз.

Ухмыляюсь и опять устремляю взгляд кота из “Шрека” в сторону папы, мне нужно его переломить, особенно, когда и мама здесь, думаю, я смогу добиться своего.

– Па, так я пойду без охраны, ну, пожалуйста?!

Отец прищуривается. Кривит губы в ухмылке и отвечает строго:

– Возьмешь Джокера. Он профи. Тебя повезет, и отсвечивать особо не будет. На этом все уступки.

Иван поднимается в свой исполинский рост, отбрасывает в сторону белоснежную салфетку и ловит за подбородок мать, поворачивает ее лицо, наклоняется и целует коротко.

Закатываю глаза. Столько лет прожили, а все не успокоятся.

Быстро доедаю и даю стрекача. У меня грандиозные планы на сегодняшний день и долгожданная... желанная встреча.

Но совсем не с подружками...

Глава 3

Фил Гринвуд

Полигон встречает меня пустотой. Никого. Пацаны все по делам. Кто в дежурке в охране, кто по поручениям.

Прохожу к стеллажам с оружием разного калибра. Беру обычный девятимиллиметровый. Взвешиваю на руке. Прислушиваюсь к стволу. Холод стали в руках – единственное, что может уgomонить мой буйный характер.

Подхожу к управлению целями и отдаляю пронумерованных “человечков”. Специальные наушники лежат на стенде, прохожу мимо. Мне нужен грохот и звон в ушах, чтобы не думать. Чтобы не вспоминать. В башке толпятся роем мысли. Перекидывают меня в прошлое. Не хочу! Сопровствляюсь!

Упираю кулаки, забитые татухами, в стальной стол, наклоняюсь весь, голову опускаю. Кажется, что меня гнет от тяжести разворошенной грудной клетки. Слишком много чувств разбередила рыжуха эта.

Буквально гнездо змеиное вскрыла, и внутренние твари голову подняли и принялись кромсать меня, жалить изнутри.

Опять женщина в жизни появляется и все отходит на второй план, меркнет, исчезает. Остается только принцесса с длинными рыжими волосами.

– Маша-Мэри... – произношу тихо.

Ее имя становится наркотиком, который иглой входит в вену и затуманивает разум.

Снимаю пушку с предохранителя. Встаю в стойку. Упираю ноги и задерживаю дыхание. Серия выстрелов.

Выбитая цель с грохотом влетает в противоположную стену.

С бабами мне везет как утопленнику.

Факт...

Перезаряжаю.

Сосредотачиваюсь на очередности целей и выбиваю десятку. Не промахиваюсь. Никогда. Ствол – это продолжение меня. Попадать в цель и убивать – единственное, что умею лучше всего.

Выдыхаю со свистом.

Любил уже одну. Сдыхал за нее. Пытался быть лучшей версией себя. Как мог, старался. Рядом был. И все равно. Не достойным любви оказался. Не зашел. Не тот. Оборванец. Детдомовец. Шпана уличная. Беспредельщик.

Зубы обломал. Сердце в ошметки.

И снова колдунья с изумрудными глазами появляется и считает все. Воспоминания бледнеют. Заполняет все собой ведьма!

Однажды передачку одну смотрел. Дядька с умным видом вдалбливал, что рыжих да зеленоглазых когда-то на кострах жгли.

Запомнил эту историю про инквизицию сраную и понимаю теперь. Таких ведьм решать сразу надо, потому что они мужиков одержимыми делают.

Под кожу вбиваются. В суть проникают.

Память у меня фотографическая. Работа такая. Но здесь чувствую, что образ мне на сетчатке глаза прямо выжгло.

Видение в белом сарафане. Как на повторе, по лестницам летит. Воздушная вся. Сверкающая. Волосы рыжие бархатом видятся мягким. Так и хочется прикоснуться, понять, вся ли такая, как кажется.

Звонок мобильного отвлекает. Высвечивает – Харви. Выпрямляюсь. Мощный мужик. Кости на раз одним ударом ломает. В охране Вани Кровавого только лучшие бойцы. Лично хозяин всех отбирает. В том числе и меня сам подобрал.

Отвечаю сразу.

– Да.

– Джокер, – резкий голос, – на тебе сегодня личная охрана мисс Кац. Поездка в торговый центр.

– Понял. Подготовь седьмой бронированный мерседес. Всю систему проверь.

Отключаюсь.

Беру оружие и прячу в кобуру под кожанкой. Внутри все скручивается. Жизнь сталкивает лбами с той, кто не для меня.

С девочкой из другой реальности.

– Да ты не ссы. Дело говорю!

– Хорош прикалываться, – возмущенный голос, – я ее даже разложить не успел, пахан подошел и все, тушите свет.

– Не, ты везунчик, брат, вечно у тебя все через...

Захожу в гараж. Мужики меня замечают. Прохожу вдоль припаркованных тачек. Все дорогие, в основном, бронированные. Ваня Кровавый – коллекционер. У него в доме все лучшее собрано. Станный он мужик. Противоречивый и жестокий до безумия.

– Джокер, сочувствую! Ты в жопе! – прямо с места в карьер гогочет Бес и, закончив осмотр тачки, закрывает капот.

Бросаю взгляд на веселящегося братана и включаю ответку.

– Себастьян, с чего взял?! – называю Беса полным именем. Во имечко для решалы.

Мужик вспыхивает как спичка, и ноздри в бешенстве раздувает. А не хер стебаться. Подхожу к крепкому низкорослому парню и дружески хлопаю по плечу.

– Да ну, хорош, Бес, подфартило с имечком тебе знатно. Лыбится в ответ. Щербатый рот кривит.

– Гринвуд, я на тебя по возвращении с шопинга посмотрю. Мозг тебе выносить конкретно будут. Отвечаю.

Опять ржет. Окидываю взглядом трех пацанов. Че-то их сегодня не узнать. Больно веселые.

– Не врубаюсь, в чем дело, братва?

Бес ближе подходит, чтобы не сильно слышно было и отвечает мне:

– Врубишься.

Сигнал рации отвлекает.

– Машину к центральному входу.

Напоследок бросаю взгляд на здоровенных ухмыляющихся мужиков. Не нравится мне все это.

Неспроста они так веселятся. Сажусь за руль черной то-нированной тачки стоимостью в несколько лямов и выезжаю с парковки.

Кажется, меня ждет веселая прогулочка.

Глава 4

Выезжаю на дорогу, ведущую прямо к парадному входу. Тачка едет ровно, плавно входит в поворот, как нож в масло. Идеальная стабилизация. Танк на колесах весом в пять тонн. Не пробить. Не подобраться. Пулями только бронебойными можно попробовать взять, ну, или сразу пулять из базуки, только не факт, что пробьет.

Останавливаюсь у особняка.

Жду и барабаню пальцами по рулю. Внутри что-то гложет, не отпускает. Дверь открывается и на пороге появляется рыжая ведьма. Резко сглатываю вязкую слюну и балдею от вида длиннющих ног в мини-юбке, которые так и тянет раздвинуть. Сжимаю руль.

Красотка прыгает по лестницам в кедах, весело болтая по телефону, а я все смотрю, как свободная юбочка колыхнется из стороны в сторону.

Во всю пользуюсь тем, что снаружи моя голодная морда не видна. Девчонка одета не сказать, чтоб откровенно, но на этой рыжухе все смотрится чересчур провокационно. Реагирую. Желание скручивает нутро. Натяжение в штанах такое, словно неделю не трахался.

Как только подходит, выхожу из машины и открываю перед девчонкой дверь.

– Самми, я так соскучилась!

Даже взглядом меня не удостаивает. Сука. Чувствую себя предметом мебели. Ныряет в салон автомобиля. Сжимаю челюсти, когда меня обдаёт свежим тягучим запахом со сладковатым послевкусием. Принюхиваюсь. Шоколад и мята.

Закрываю дверь и сажусь за руль. Врубаю кондиционер, потому что салон вмиг заполняется ее ароматом.

Фак! Мне еще с час этот ад терпеть, пока доедем?!

– Сейчас. Подожди, – короткая фраза и девчонка поднимает голос: – Водитель?! Я не хочу опаздывать!

Охренеть. Наглая.

Завожу двигатель и выезжаю из поместья. Останавливаюсь у ворот и выруливаю на дорогу.

Кажется, под личиной ангела еще та сучка избалованная прячется.

Вцепляюсь руками в руль и бросаю взгляд в зеркало заднего вида. Девчонка трещит без умолку. Улыбается, играет с медной прядью. Ведет себя вызывающе как-то. Не клеится у меня в мозгу этот образ высокомерной дряни к нежным чертам.

Хочет и в окно смотрит, а я профиль рассматриваю украдкой. Веселая.

Жизнь у нас разная. Эта девочка совсем из другого мира. Для нее важно прикупить нового тряпья с подружками и потрындеть о парнях по телефону.

Не вяжется что-то. Чутье. Не вижу в ней то, что показывает.

Поглядываю периодически на высокомерную сучку, красивую, уверенную в себе. Демонстративно не замечающую службу в моем лице.

Черт. Кажется, начинаю понимать, с чего пацаны так стебались. Эта любого доведет.

Наконец, подъезжаю к торговому центру, заезжаю на подземную парковку. Останавливаю тачку и выключаю двигатель.

Молчание нарушает ее нежный, чувственный голос, а вот слова и интонации пренебрежительные:

– Так, водитель, ты не мог бы в машине посидеть, пока я с подружками встречусь?!

Поворачиваюсь к девчонке и приподнимаю бровь в удивлении.

– У меня четкий приказ – сопровождать, – коротко отвечаю и сглатываю, когда с изумрудами наглыми встречаюсь.

Закатывает глазки, а меня ведет от этого жеста. Совсем другие картинки перед глазами вспыхивают. Вот так же под мужиком глаза прикрывает?

– Мы с девчонками хотим погулять, повеселиться и поболтать. Наличие огромного бугая, под завязку забитого табуировками, как-то не подразумевает непринужденного общения.

Призываю всю свою выдержку, которой у меня кот наплакал. Меня конкретно бесит этот пренебрежительный тон. Словно с псом базарит.

– У меня четкий приказ, – повторяю, как робот, и офигеваю от той злости и негодования, которые вспыхивают в изумрудных глазах. Что это ее так переключивает?! Поджигает пухлые губы, искрит вся. Сексуальная девочка. Огонь. С такой кувыраться – одно удовольствие.

Прищуривается и рот кривит. Ей надо диплом выдавать за умение мужика завести и выбесить. Не пойму, чего больше хочется, трахнуть или прибить, приласкать или голову оторвать.

Вздорная. Красивая. Принцесска.

– Слушай, ну посиди ты в машине!

Сжимаю челюсти. Не пришибить бы заразу.

Играем в гляделки. Молчу. Не реагирую.

Вот я фартовый. Как такое “чудо” мне приглянуться могло?!

– Хо-ро-шо, – протягивает и опять глаза закатывает, – но ты от меня держись как можно дальше и даешь нам нормально пошопиться!

– Лады, – отвечаю и улыбаюсь.

На минуту царская доча всю свою бравладу теряет и гулко сглатывает.

На губы мои, искаженные шрамом, смотрит.

Секунда и отводит взгляд. На миг маска пренебрежительной сучки спадает. Вижу нежную девочку, красивую, с чувственными чертами и глазами, полными страха и сострадания.

Вот последнее я видеть не привык. Однако проблеск длится секунду, затем девчонка выдает пренебрежительное:

– Мне долго ждать?! Дверь когда откроешь, *водитель*?!

Глава 5

Зеленые глаза вновь темнеют. От ненависти, проскользнувшей в них, меня знатно кроет.

Когда и чем я успел девчонку так достать?!

– Меня зовут Фил Гринвуд. Прозвище Джокер.

Отвечаю ровно, хотя внутри уже зверею. Выбешивает меня стерва страшно. Так и тянет наказать этот дерзкий рот. Зацеловать, чтобы связно говорить не могла, только выставала мое имя, которое упрямо не желает называть...

– Я не засоряю мозг ненужной информацией. Дверь открой!

Внутри все предохранители слетают. Сжимаю руки в кулаки, прикрываю глаза и дышу через раз. Кажется, меня надолго не хватит. Жаль, что не мужик передо мной. За такое ответку держать на раз заставляю, кулаками все слова обратно в глотку забивая, а с девки какой спрос?!

Зубы сцепляю и выхожу из машины. Подхожу и открываю дверцу. Рыжуха выныривает из салона и вышагивает, словно королева. Голова приподнята, поступь кошачья, подвисяю на видах сзади. Так бы и нагнул, заставил за слова свои отвечать долго, со вкусом, пока скулить от наслаждения не начнет.

Иду чуть поодаль и всюю задницу аппетитную рассматриваю. Так и хочется надавать подзатыльников, чтобы гоно́р царский сбить. Чтобы не как к грязи под ногами относилась к

людям. Сучка. Красивая. Избалованная... и такая манящая.

У меня во рту слюна накапливается от одного ее вида.

Проходим в торговый центр. Полно народу. Напрягаюсь. Не самое лучшее место для выполнения обязанностей телохранителя.

Тело обучено к скоростным реакциям, и я засекаю ее подружек еще до того, как они открывают рты и поднимают дикий визг. Просто выхватываю их лица в толпе и замечаю изменившуюся мимику.

– Мэри! Мэри! Дорогая!

Три девицы премиум-класса облепляют Машу и начинают прыгать стайкой кур. Самая красивая здесь Мэри. Хотя есть еще одна аппетитная подружница с сиськами с арбуз. Знойная брюнетка улыбается Мэри и бросает косой взгляд в мою сторону, шепчет на ухо, а я ее профиль вижу и по накачанным губам читаю, о чем именно секретничает. Хороший навык. В трущобах своих еще научился.

Когда каждый день жизнь свою отвоевывать приходится, ты становишься зверем, хищником, что ступает беззвучно, умеет слышать, распознавать малейшие шорохи и в нужный момент выпускать когти и рвать врагов.

В какой-то момент читаю вопрос:

– *Ри, этот самец твой? Божечки, вот это экземпляр! Признавайся, успела уже всего облапать? Вот это мужик. Огромный. Смотри, какие ручищи. А ирам на губах. Красавчик.*

Принцесса закатывает глазки. Опять этот жест, от которого меня торкает. Губы кривит. Я знаю, как именно стереть эту пренебрежительность с лица высокомерной сучки. Таких очень хороший трах от тараканов всех вылечивает. Стоит мысли оформиться, как все в штанах простреливает и картинки развратные перед глазами.

Гашу внутреннего зверя. Остаюсь непробиваемым ровно до того, как читаю ответ:

– *Сара, прекрати! Зачем тебе этот обезьян?! Ты посмотри на него!*

Факинг шит! Хрена се?! Это че было ваще?

– *О, я как раз смотрю. Всего уже взглядом отымела. Люблю мужиков с татуировками,* – отвечает брюнетка и облизывает огромные губищи.

Зачетный ротик, конечно, рабочий. На раз сойдет.

Упоминание про татухи заставляет Машу на меня взгляд свой перевести. Смотрит внимательно, словно только увидела.

Руки мои изучает. Вряд ли с расстояния ей виден четкий рисунок, но девчонка явно умная, просекает, что непростые это знаки. Взгляд ее по вырезу футболки моей проходит, где кусок татухи виднеется, и останавливается на клейме ассасина на горле.

Вижу, как глаза расширяются, и она резко отворачивается. Просекла, что непростой у нее телохранитель. Вряд ли рядовому солдату доверили бы дочу царскую стеречь в оди-

ночку.

Маша-Мэри дергает брюнетку с сочными формами на себя, заставляет оторваться от разглядывания мужика и опять я ее слова по губам читаю.

– Сара, даже не думай смотреть в его сторону! Это монстр! Убийца! Поняла меня?!

Брюнетка кивает шокировано, но стоит подруге отвернуться и отвлечься на разговор с другими девчонками, как я вновь встречаю наглый похотливый взгляд голодной до мужика суки...

Улыбаюсь слегка, и вижу, как у девицы лицо деформируется от проскользнувшего страха. Смотрю не мигая, заставляю отвернуться. Я сам выбираю, кого и когда трахнуть, и никак не наоборот.

– Ри, пойдем! Столько всего рассказать есть! – тянет рыжую лисичку за руку другая девчонка и они топают в сторону кафе.

Где мое самообладание? Я, блядь, прям нянь на выгуле, а не киллер.

Голова пухнет от женского трепя. Сажу за соседним столиком на достаточном расстоянии, и вливаю в себя уже третью чашку кофе.

О чем можно болтать полтора часа?!

Не вопрос. О неудачном любовнике пухленькой шатенки по прозвищу Самми.

Женский смех залпом дробовика бьет по нервам.

– Я ему отстань говорю, а он все лезет. В итоге мой Чарли не выдержал и тяпнул этого осла за голый зад.

– Самми, ты неподражаема! – стирая слезы с глаз, отвечает моя рыжая лисичка, а я залипаю на ее улыбке, искренней, открытой.

– А что делать, если кобель кобеля укусил! Ой, девчат, ору!

Чувствую, как мне буквально мозг вспарывают и курить охота, хотя я не курю. Только в экстренных ситуациях, чтобы отвлечь себя мерзостью вонючей от мыслей.

– Давайте пробежимся по магазинчикам! – весело хлопнув в ладоши, выкрикивает эта самая Самми, которую я уже начал тихо ненавидеть.

Гениальная идея, мать вашу. Они еще только начали свою веселуху, а мне уже вешаться охота.

Однако чутье реагирует. Есть в этом всем некая фальшь. Наигранность, что ли. В этом взмахе рук шатенки и громком предложении меня что-то напрягает. А вот возглас моей рыжухи и вовсе с ног сбивает лицемерием:

– Белье! Я хочу прикупить комплектики!

Твою мать! Этот день кончится, нет?!

Глава 6

Моя лисичка поднимается и смотрит прямо мне в глаза, бросает вызов, зараза рыжая.

Мысленно выговариваю все маты и отборные обороты, какие только знаю. И притормаживаю.

Засаекаю, что я все время называю дочь царя своей...

Нехило так меня приложило, однако.

– Пошли, девчат. Я знаю супер-бутик на втором. Там такое бельишко есть! – визжит Сара и опять взгляд невзначай в мою сторону скашивает. Дает понять, что, если разверну ее из брендовой упаковки, буду приятно удивлен трусишками.

Богатая избалованная шлюха. Не вставляет.

Кисы встают и идут в сторону выхода. Следую по пятам, сканируя пространство на наличие угрозы.

Прищуриваюсь, наблюдая за веселящимися подругами. За лисичкой смотрю. Тянется во мне что-то к ней.

– Ри, пошли!

Обрубок имени бьет по ушам. Мне не нравится. Маша она. Вся теплая, солнечная, в волосах огненные искры.

Работаю на опережение, вычисляю опасность. Все тихо. Интуиция молчит.

У меня выработаны нужные рефлексy. Жизнь всему научила. Выбора не было. Когда голодаешь, когда папашка-алкоголик вышвырнул побираться и домой пускает только если

тащишь бухла, тебе приходится выживать, чують опасность, малейший намек на угрозу.

Я не всегда был сильным. Я был слабее, был младше трущобных пацанов, и именно тогда научился чують все по-животному. Замечать того, кто сильнее, кто намеревается повеселиться, втоптав слабака в кровавую лужу грязи и говна.

В трущобах жестокие шутки. И выживают в нашем аду только сильнейшие. Слабыедохнут в канавах, в которые не раз хотели загнать и меня.

Всегда чуюл подвох.

– Вон там, видите? – тыкает пальцем Сара, показывая дорогу.

Иду за девицами в бутик, где вся витрина в манекенах, прикрытых клочками красивых тряпок. Подвисяю. Сразу личичку рыжую в этом непотребстве представляю и получаю ледяной душ, когда Маша разворачивается резко ко мне и прикрывает своим телом вход в магазин.

С высоты своего роста рассматриваю ведьму.

Грозная вся. Голову запрокинула, чтобы в глаза мне смотреть. Смешная. Не могу ее стервой воспринимать. Не клеится что-то. Не складывается. В глазках ее нет опыта бывалой шлюхи.

Подмечаю, как подруги во всю уже шустрят в бутике. Что-то не так. Сара оборачивается к нам с Машей, словно ждет чего-то.

Вопрос – чего?

Думаю и не перестаю пространство на всякую угрозу просматривать.

– Жди здесь! – говорит твердо и руки складывает. Внимание мое к своей небольшой аккуратной груди привлекает. Навскидку тут двоечка хорошая. С такой приятно поиграть.

– У меня приказ – сопровождать, – отвечаю сухо уже раз в ...надцатый за сегодня.

Во взгляде страх читаю. Вскидывается вся и на татуху нашее моей смотрит. Глаза чистые, зеленые, изумрудами влажно горят и зрачок расширен. Боится.

Бэмби. Такой сложно отказать и не подпасть под влияние.

Пользуюсь своим превосходством в росте и во всю личико красивое рассматриваю, белоснежную кожу, пухлые губы. Сжимаю челюсти. Хочу попробовать ее. Засосать эти губы, вгрызаться во влажную мякоть.

Брови на переносице сводит. Буравит меня злым взглядом. Смешная. На носике немного веснушек, совсем чуток.

Как же охота ее попробовать.

– Послушай, это женский магазин. Я не хочу... я не могу... не иди с нами. Здесь посиди на скамейке.

Зависаю на ней. На голосе тягучем, негромком. И опять глаза ведьмовские к себе притягивают. Вязну в них, как в болоте, в трясине утопаю. Красивая сука...

– Я приказываю тебе оставаться снаружи!

Да ладно?!

Не реагирую.

– Фил, пожалуйста...

Что-то внутри трескается. Зависаю на ней и картинки в голове меняются калейдоскопом.

Вблизи бледная кожа светится перламутром, реснички пушистые в самые брови упираются и глаза влажные, блестят, выдают волнение. Хочу завалить ее на плечо и затащить в темный угол, избавиться от тряпья и пощупать, везде ли она такая бархатная...

Бросаю напряженный взгляд вглубь магазина, подмечаю, как подружки принцессы уже во всю выбирают бельишко.

Слишком резко как-то...

Опять смотрю на нее и чуть наклоняюсь, принохиваюсь. Кайф.

– Маша, ты под моей защитой. Не беспокойся, я трусов с лифчиками достаточно в жизни повидал. Мне на тряпки эти пофиг. Считай, что я просто клиент и приперся для женщины своей выбор делать. Хотя, как по мне, лучше голого тела нет ничего. Это дерьмо в рюшах совершенно лишнее.

Смущаю своими словами. Что поделатъ, улица не учит фильтровать базар. А вот щечки лисички приятно розовеют. Злится.

Глазками сверкает. Маленькая. Хрупкая. Рост модельный, но рядом со мной, двухметровым, теряется...

– Я – Мэри, – поправляет сухо.

Опять стерву включает.

Так и хочется ответить жестко, но сглатываю, теряюсь, ко-

гда в глазах ее вдруг загнанность зверька читаю, дикий страх.

Не могу понять. Неужели ее так колбасит от того, что стесняется?!

Черт. Поддаюсь. Жалко ее становится.

Ладно, что мужику делать среди стрингов, может, и вправду здесь подождать?

– Хорошо, Маша, – наконец отвечаю, – у тебя полчаса.

Хмурит бровки темные. Рада должна быть, что отпускаю, а ее напрягает что-то. Может, не нравится, что по времени лимитировал?

Чутье нашептывает что-то. Но я иду наперекор себе и на поводу у нее.

Отпускаю.

Глава 7

Киваю и девчонка отходит. Слежу за ее передвижением по магазину. Идет с подругами в сторону примерочных.

– Фак...

Выдыхаю. Явно мерять бельишко собрались. Я бы посмотрел на лисичку...

Надолго, чую, эта канитель. Усаживаюсь на скамейку и жду. Смутное чувство тревоги не отпускает. Вроде нормально все, но вот скребется что-то в сознании.

Несостыковка какая-то.

Девочку рыжую вспоминаю. Как с телефоном не рассталась в машине. Сообщения шлепала, не переставая...

Явно провоцировала меня, желая разозлить своим пренебрежением. Хотела вызверить, чтобы что?

Не думаю больше. Действую на инстинктах. Так, как привык. Захожу в магазин и прохожу вдоль стеллажей с тряпьем всевозможных цветов.

Иду к раздевалкам.

– Здравствуйте, сэр, чем могу помочь?

Выскакивает передо мной резвая куколка – консультант в обтягивающей коротенькой форме. Зачетная телка. Дорогой магазин и элитные девахи.

Улыбаюсь. Сразу с лица сходит и желание помочь пропадает, отшатывается.

Иногда кажется, что уродующий губы шрам живет отдельно от меня жизнью. Могу им пугать, когда захочу, суть свою выпускать через разные улыбки, кривящие рот.

Продолжаю путь. Наобум открываю двери примерочных. Двух подружек засекаю, а вот Рыжинки моей среди них нет. К последней двери подлетаю. Врубаю с ноги. Замок слетает, открывая мне взвизгнувшую девицу.

Маши здесь нет.

Зверею.

Развела меня, дрянь...

Взгляд врезается в полуголую Сару.

– Где она? – рычу.

– Я. НЕ. ЗНАЮ, – вызов мне бросает.

– Неправильный ответ.

Захожу в кабину и закрываю за собой дверь.

Девица не тушует. Дойки свои, прикрытые красным кружевом, выпячивает и отводит вбок ногу.

Блядь. Приглашение, прям. Явно хочет, чтоб ее на вертел натянули и отжарили хорошенько.

Не реагирую. Надвигаюсь, рукой за шею хватаю, к зеркалу пригвождаю. Несильно, без синяков и последствий, но достаточно, чтобы напугать.

– ГДЕ? – цежу вопрос.

Утыкает в меня блестящий взгляд голодной кошки.

– Горячий телохранитель Мэри попался. Красавчик. Просто ходячий секс, – губы в улыбке похотливой суки раздвигаются.

гает, – резкий, сильный, грубый самец с явно большим достоинством. Все, как я люблю. Везет же некоторым...

Сжимаю зубы. Омерзение испытываю к первоклассной девке.

– Слушай сюда, подруга Мэри, – слова другие на языке вертятся, трущобные, – если тебе приспичило, чтобы я тебя здесь прям отодрал и по самые гланды заглотить заставил, ты на правильном пути. Я тебе такой жесткач устрою, ног не соберешь, встать не сможешь.

Голову к плечу наклоняю и взгляд в шары, накачанные силиконом, упираю, рукой по кружеву провожу.

Губу прикусывает, глаза прикрывает, бельишко-то, наверное, придется прикупить, небось потекла вся.

Стон глухой издает и подтверждает мое предположение. За крупный коричневый сосок хватаю и поворачиваю между пальцев. Кроме того, что соски – эрогенная зона, это очень болезненный участок на теле человека, где до хера нервных окончаний.

Глухой болезненный вскрик, который я глушу, сжимая хватку на шее.

– Где?! Отвечай, – растягиваю слова и продолжаю играть с бледнеющей на глазах девкой.

– Сдалась тебе она! – выплевывает ядовито, а я думаю, не свернуть ли подруженции шею. Совсем Рыжик в людях не разбирается. Пригрела на груди тварь.

– Я жду.

– Телохранитель слишком шустрый оказался, не повезло Ри с тобой! – вопит и из глаз слезы брызгают. Не реагирую на водопад. Выжидаю, молчу, жду, что расколется.

– С Дэни побежала встречаться, усек?!

Меня накрывает, зверею, не замечаю, как пальцы на горле сжимаются сильнее, и девка под рукой начинает пищать и дергаться.

– Какая... Дэни? – цежу слова и отпускаю, отхожу от хрипящей и кашляющей подружки. Руки в кулаки сжимаю, чтобы не пришибить.

– Не доходит... я думала, ты умней, – шепчет с трудом, ядом брызжет, – свидание у нее с парнем, к Дэниелу поскакала, чтоб обогрел после холодной Англии!

Застываю, замерзаю, кровь в жилах сворачивается, мышцы канатами натягиваются. Адреналин бьет в голову и ищет выход. Ярость. Злость вспыхивает кровавой пеленой, застилает все.

Рыжая красotka в белоснежном сарафане перед глазами появляется, по лестницам летит. МОЯ – бьет в висках и пульсирует. Ответить заставлю за обман, за гонор, за высокомерие накажу.

Мысли летят картинками страстной расправы, а в грудной клетке жжется так, будто в открытую рану соль засыпают и поджигают.

– ГДЕ?!

Пленку заело к хренам на одном слове. Девка смотрит на

меня с расширенными от ужаса глазами. Просекает что-то, бледнеет окончательно.

– Через сквозной выход ушла, сказала, что у кинотеатра встретиться должны! – отвечает скороговоркой и забивается в угол кабины, сжимается вся. – Не трогай меня только!

Рассматриваю доступную шлюху. Не встает на таких. Мне Маша нужна. Из-под земли достану суку.

Глава 8

Вылетаю из магазина. Не замечаю никого, кто попадает на пути. Не сшибаю, и то хорошо.

– Где ты, девочка... Куда пропала, Маша?

Проговариваю под нос, а на душе мутно, беспокойно. Зачем пошел на поводу?! Чувствовал же что-то неладное. Голова раскалывается и внутри неприятно ноет.

Мэри-Маша убежала на свиданку к пацану. Мне хочется треснуть головой об стену и врубить мозг. Я в бешенстве. Меня трясет не от того, что потерял объект. Я не реагирую на эту ситуацию с холодностью, которую должен испытывать.

Мне должно быть по хрен! Я должен беситься из-за того, что ее могут ненароком прихлопнуть или похитить, но никак не из-за того, что она убежала на свидание к левому пацану!

– Черт! Это просто пи*дец! – шиплю сквозь зубы.

Где-то внутри осознаю, что мне лучше найти ее позже, чем раньше, чтобы остыть, остудить мозг, потому что...

Не хочу думать об этом. Слишком много чувств.

Смотрю по сторонам. Я сейчас истерю не потому, что потерял охраняемое обезличенное нечто. Меня конкретно трясет, потому что она не просто цель. Не просто вверенный в охрану объект.

– Холли шит! Беги, Маша. Пусть я тебя не найду...

Мотаю головой и понимаю, что все инстинкты обостри-

лись и я внутренне нацелился. Найду. Не пропущу. Накажу. По-любому.

Лечу по эскалатору, перепрыгиваю через ступени.

Мысли летят, пока инстинкты работают.

Я, блядь, сраный нянь, а не киллер, которого на раз рыжуха развела. Торможу. Выбираю, куда идти.

Нет, не так. Не провела. Сам отпустил. Поддался. Пожалел, хотя нутром чуял, что все неспроста.

К пацану утопала, значит.

Обманула, обвела вокруг пальца. Факинг шит. Сам позволил. Проявил слабинку.

Расплата не заставила себя долго ждать. Теперь, как дебил последний, вынужден бегать по всему торговому центру и искать.

Такая трогательная. Смущалась от того, что мужик с ней в магазин трусов пойдет.

Ага, сейчас. Хорошая актриса. Почти провела.

Бестия под личиной ангела. Кто бы знал, что нимфа подобные фортеля выкидывать умеет. Мата хари, мать ее, как подготовилась.

– Маленькая дрянь... – выдыхаю почти с восхищением.

Умная, расчетливая. Внимание и бдительность гасила пустым трепом с девками. Не просто так ведь выбеживала. Все заранее продумала и провернула.

– Зараза рыжая, так и тянет наказать со всем пылом.

Иду вдоль бутиков, рыщу взглядом и застываю как вко-

панный.

Нашел все-таки. Не повезло Машеньке. Слишком быстро. Не успел остыть.

Выхватываю рыжую девчонку. Висит на задохлике каком-то и во всю сосет. С молокососом каким-то зализанным. Дохляк свою граблю от волос шелковых отлепляет и за задницу в себя Машу вжимает.

Кровавая пелена перед глазами. Сжимаю кулаки.

– Ты в людном месте, Фил, – напоминаю себе.

Действует слабо. Вдруг кажется, что меня пулями решат. Боль под ребрами. Не хочу задумываться о том, что именно сейчас чувствую.

В пару прыжков подлетаю к парочке и девчонку отлепляю от пидора мелкотного.

В глаза малахитовые Машины смотрю, темные, одурманенные поволокой страсти.

Твою мать!

У меня в штанах все простреливает. Хороша. Чувственная девочка, способная пылать в мужских руках и крышу сносить своей откровенной притягательностью.

Хочу ее. Моя ведьма.

Смотрю на нее и помутнение длится ровно секунду. Чертовски долго. Непозволительно для меня.

Как только осмысленность возвращается, и Маша понимает, кто перед ней, от желания во взгляде ничего не остается.

Сглатывает и глаза широко распахивает. Губку нижнюю прикусывает, а мне хочется салфеткой ей рот от чужих слюней протереть, вымыть с мылом, а пацана ее втоптать в блестящий пол торгового центра, причем гасить конкретно.

Не знаю, что видит в моем лице лисичка, но в ужасе замирает, дрожит вся. Под пальцами чувствую, как кожа покрывается гусиными точками, знобит ее.

Бледнеет на глазах. В лице ни кровинки не остается...

Пальцы сильнее вонзаются в нежные предплечья. Сделать с собой ничего не могу. Хочется ее встряхнуть хорошенько, чтобы дурь из головы рыжей выбить и прибить к себе до хруста костей.

— Ох... — всхлипом слетает с алых губ на грани слышимости, но я улавливаю.

Отпускаю ее. Отшатываюсь, словно удар схлопотал. Не предполагал, что меня так разрешетит от страха в изумрудных глазах...

Смотрю на красавицу, безошибочно определяю ее запах. Даже сейчас в потоке огромного торгового центра, среди толпы и звуков, я чувствую себя оглушенным ею.

Моя девочка...

Неужели я настолько тебя пугаю?

За кого боишься? За себя страшно или за придурка? Кто никак не хочет защитить от монстра экстремалку, которая совершила невозможное, сбежав от меня к лощеному пидору?

В башке бьет от понимания, что собственник во мне уже все решил и выбрал свою женщину. Хочу ее. Не просто тело, не просто желание. Глубинное что-то, темное во мне просыпается и с силой жалит, заставляет быть зверем и хотеть крови и смерти соперника.

Что-то в грудной клетке болезненно пульсирует и колет от понимания.

Не для меня страсть ее.

Не для меня огонь в глазах.

Для лоха, который в сторонке кантуется...

Ярость просыпается.

Глава 9

Мэри Кац

– Маша... – в голосе сталь и приказ.

Замираю. Всматриваюсь в бесстрастное, безэмоциональное лицо убийцы со шрамом, искажающим линию губ.

Джокер пугает. От него кровь в жилах стынет и вместе с тем глаз не оторвать.

Страшно красив. Да, пожалуй, это то самое определение, которое подходит этому мужчине...

Отпускает меня, и я на инстинктах делаю шаг назад, спиной прижимаюсь к Дэни. Ведь он мужчина, тот, кому я планирую принадлежать вся, до конца.

Чувствую, как под ядовитым взглядом графитовых глаз мой парень каменеет. Смотрю в бледнеющее на глазах лицо любимого и злюсь. Сильно. Меня бесит отцовский убийца. Наглый. Злющий. Смотрит на меня так, словно кости уже обгладывает.

Откуда взялся только на мою голову?! Вот не мог посидеть подождать?! Во всем виноват этот чертов Джокер! Если бы не он, ничего бы не случилось. Полчаса. Всего лишь жалкие полчаса на общение с любимым. И этого лишена, и это отнимают!

Разворачиваюсь всем корпусом к своему телохранителю. Сталкиваюсь взглядом с киллером и холодею.

– Маша... отойди от него, – произносит спокойно, но именно в этом холоде мне мерещится настоящая опасность. С таким отрешенным лицом нажимают на курок.

Этот повелительный взгляд я хорошо знаю. Так смотрят отец и брат. Прибивают мощью и ледяными плитами. Мне не по себе от такой общности, которую вижу в мужчине, стоящем на стреме моей безопасности.

Джокер кажется скалой: огромной, темной, нависшей над мной. Другие в дом отца не вхожи. Элита. Как в старые времена лучшие воины – в свите короля. Чтобы защищать правителя ценой своей жизни.

Опять смотрю на клеймо ассасина. Киллер. Проффессионал. Тот, кто может вырывать сердца и жрать их на завтрак. Одна из ключевых фигур в иерархии синдиката.

– Подойди ко мне, – приказ сухой и безжизненный.

Поджимаю губы и смотрю прямо в глаза монстру. Я привыкла бросать вызов, привыкла воевать за свою свободу. Искусство по доведению бравых мужиков до белого каления осваивала на братце. Димитрий меня придушить иногда готов, когда цапаемся.

– Я никуда с тобой не пойду, шакал. Знай свое место, водитель, – цежу слова, глядя в стремительно темнеющие гранитовые глади.

Кажется, что сейчас набросится и порвет меня голыми руками, звереет на глазах. Жуткий взгляд – огненный, колющий, застывает на мне. Хватаю за руку Дэни.

Смотрит на наши переплетенные пальцы, переводит взгляд на мои губы, которые в эту секунду начинает колотить, как будто прямо сейчас целуюсь остервенело, и вовсе не было трепетного поцелуя с любимым секунды назад.

– Машшша, – шипит зверь и графитовые глаза выстреливают в меня. Ненавижу, когда он меня так называет. Так и хочется крикнуть – Мэри! Но вот только язык прирастает к нёбу и колени слабеют.

– Я думаю, что нам следует решить вопрос мирно.

Оживает вдруг рядом мой мужчина. Сжимаю его холодную руку и разглядываю породистый профиль.

– Пацан, хлебало заткни и не отсвечивай, целее будешь, – лед интонаций.

– Ты, кажется, не совсем понимаешь, с кем говоришь, – отвечает Дэниел.

– Я как раз очень хорошо врубаюсь, с кем именно базарю, а вот ты нет. Повторять не буду. Не отсвечивай.

Дэн хочет еще что-то ответить, но я с силой впиваюсь ногтями в его руку, призываю заткнуться.

Внутри просыпается утробный страх за парня, с которым вместе росли, и до недавних пор, пока черная кошка не пробежала между нашими родителями, я мечтала, что выйду замуж за этого милого наглого мажора, красивого, лощеного брюнета. Интеллектуала. Самое главное, он совсем не похож на брата и отца. С ним мне спокойно. Он другой. Не такой, как этот Гринвуд.

Верзила делает шаг по направлению к нам, а у меня от него пульс с ума сходит, адреналин в крови повышается и все существо кричит:

“Опасность! Беги, дура, спасайся!”

Только вот Мэри Кац не из робкого десятка. Поджимаю губы и стою, пытаюсь выдержать натиск ртутного взгляда, чернеющего на глазах.

Странный тип. Энергетика бешенная, подавляющая. Но, в конце концов, он работает на отца, а значит, на меня! Я тут главная! И я не одна. Со мной мой парень.

Бросаю короткий взгляд на Дэниэла. Он выглядит озадаченно, хмурится и не смотрит на Джокера...

Я его понимаю, конечно, если родители прознают про наши встречи, полетят головы, причем в прямом, а не в переносном смысле.

Мой Дэни очень рассудительный и, видно, переживает за меня.

– Мы с Мэри ничего криминального не делаем! – оживает он и я слышу его звенящий, наполненный тревогой голос.

Так и знала, что волнуется за меня.

Киллер на секунду переводит свой пылающий взгляд на моего парня и даже не достаивает его ответа, не реагирует. Лишь прищур серых глаз, наполненных гневом, усиливается.

Чуть не ору в голос, когда верхнюю губу приподнимает и обнажает мощные клыки. Жест чисто животный. Кажется,

сейчас накинется и вырвет глотку.

Опять возвращает взгляд на меня, ползет вниз по лицу и горлу, на мгновение останавливается на вздымающейся груди, возвращается к пальцам с алым маникюром, которым я скоро проткну дыру в руке своего парня.

Давит взглядом. Прогибает. Заставляет почувствовать себя виноватой. Он ведет себя как хозяин положения, хотя всего лишь отцовский пес! Охранник! Никто!

Бесит! Вот прям все то, что терпеть не могу, вижу в нем. Отец мой такой и брат из того же теста. Деспоты! Вот поэтому я и влюбилась в Дэниела Серебрякова! Он не такой! Он – НОРМАЛЬНЫЙ!

– Машшша, – шипит змеей, – отпусти мальчика. Это несанкционированная встреча.

Чеканит слова, а меня обида берет! Он назвал моего мужчину мальчиком, так унизительно это прозвучало, будто перед ним ничтожество, а не студент Принстона!

Вскидываю взгляд на моего любимого, готовая увидеть негодование на его лице и броситься разнимать, если он вяжется в драку, но Дэни просто отцепляет мою руку и смотрит мне в глаза.

Взглядом дает понять, что в принципе мы с ним прокололись, и хорошо бы замять эту историю, чтобы родители не узнали.

Я научилась понимать его без слов и просто киваю.

Неожиданно даже для себя ищу его поддержки и припод-

нимаюсь на цыпочки, легонько чмокаю холодные губы моментально отшатнувшегося от меня парня.

В какую-то секунду кажется, что слышу звериный рык, но не успеваю сориентироваться, как мир летит вверх тормашками и меня прибивает к сильному плечу, из легких весь воздух выбивает и перед глазами темнеет, когда взгляд утыкается в литую, каменную спину огромного мужчины.

Глава 10

– С ума сошел! – ору и бью по стальной спине, пытаюсь причинить боль громиле, но по факту больно от соприкосновения с этой глыбой только моим кулакам.

Обжигающий хлопок по ягодицам заставляет вскрикнуть и закусить губу от боли.

– Не беси, – хриплый голос в ответ, и я понимаю, что лапа чудовища так и осталась на моей филейной части.

Выкручиваюсь, приподнимаюсь на локтях и замечаю Серебрякова, в растерянности смотрящего мне вслед.

Поймав мой взгляд, он прикладывает руку к уху, давая понять, что позвонит.

Странная боль расползается в груди и щемит тоской напололам с чем-то неопределенным. Не могу понять, что меня расстроило, что не так, но мне становится очень не по себе от подобной реакции моего парня.

Вздыхаю. Отгоняю мысли и акцентирую злость.

Минотавр тащит меня по безлюдной парковке. Не сбавляет шага, не запинается, словно я и не вешу ничего. Идет быстро и уже через секунду слышу характерный щелчок снятого с сигнализации автомобиля, дверь открывается, и я лечу на черную кожу дорогого салона майбаха.

Дверь с грохотом закрывается, и я приподнимаюсь и оборачиваюсь в сторону психа, который со всей силы пинает ши-

ну автомобиля. Причем пинает настолько сильно, что мне кажется, что машина трясется, или это я сейчас вся дрожу от страха?!

Киллер зарывается в темно-русые волосы, торчащие ежиком, и взъерошивает пряди. Наблюдаю, как татуированные предплечья вздуваются мышцами от каждого резкого движения.

Замираю. Задерживаю дыхание и не могу не восхититься мощностью этого парня. Передо мной супермашина для убийств. Это тело выглядит оружием. Приглядываюсь к убийце, замороженная зрелищем и проявлением безудержного нрава.

Гринвуд подобен факелу, искрящему пламенем. Взрывоопасный мужчина, притягательный. Не могу оторваться от него, не могу отвести взгляд.

Я не привыкла к столь бурному проявлению эмоций. Что-то новенькое. Обычно охранники словно вымороженные насквозь, ну и придурковатые немного, наверное. Ну, предыдущих своих телохранителей я умудрялась провести незаметно, сбегать на свидание и вернуться так, что они не понимали моей хитрости, а этот больно уж въедливым оказался.

Опускает голову, прикрывает глаза и опирается руками о дверцу машины с моей стороны. Знаю, что стекла тонированные и снаружи ничего не видно. Пользуюсь этим и смотрю на мужчину во все глаза.

Интересный типаж. Лицо некрасивое... Хотя, если не смотреть на шрам, то очень даже... Есть что-то цепляющее в

хищном носе и крутой линии подбородка. Линии лица резкие, острые, с выделяющимися скулами.

Внезапно длинные ресницы вздрагивают. Гринвуд открывает глаза и смотрит прямо на меня. Отшатываюсь, кажется, что серые лазеры меня сквозь абсолютно тонированную тачку видят.

Невозможно!

Выдыхает резко, рвано. Замираю. Прирастаю к месту и наблюдаю за зверем, который мечется в своей клетке, пытаюсь дать выход бешеным эмоциям.

Завораживающее зрелище.

Отлипаю и отодвигаюсь вглубь салона. Меня даже через преграду в виде стекла и металла пронимает харизмой и яростной энергетикой киллера.

Смотрю на мышцы, которые обхватила черная майка. Это тело чистый гранит, кубики на прессе посчитать можно. Я привыкла к тренированным бойцам отца, но вот этот парень отличается.

Не могу понять, чем именно. Страстностью натуры своей, что ли, огненным, взрывным нравом, убийственной энергетикой.

Обычно охранники пришибленные, кажется, что заторможенные, но в нужный момент оперативные. Вышколенные роботы без чувств и эмоций.

Я немного разбираюсь в понятиях и отличиях. Когда растешь в нашем доме, многое видишь и слышишь, даже

несмотря на все запреты отца и желание оградить нас с мамой от всего. Все равно многое начинаешь понимать.

Так я видела набитые купала у отца на спине. Особое отличие. Гордость. Он эту тату принес из далекой страны, где свои понятия.

Вглядываюсь в лицо Филя и понимаю, что он не сильно уж взрослый, но по ощущениям – словно жизнь прожил.

Рассматриваю брови широкие и темные, с красивым изломом, и густые ресницы, за которые любая удавилась бы, опускаю взгляд на шею с меткой, демонстрирующей всю опасность моего провожатого. Особое отличие. Знак. Киллер. Убийца. Безжалостный профессионал, имеющий определенный послужной список. Страшный человек.

Действительно страшный. Монстр с изуродованными душой и лицом.

Отворачиваюсь. Больше не могу смотреть на чудовище, агрессивное, злое и безумно грациозное. Притягательное настолько, что я сильнее сжимаю бедра и заставляю себя отвернуться, чтобы не чувствовать все те странные эмоции, которые просыпаются глубоко внутри...

Этот хищник заставляет что-то глубоко внутри трепетать и ныть в предвкушении. Испытывать томление и нечто странное. Не могу понять себя, разобраться в своих ощущениях, но на него хочется смотреть и шрам его рассматривать хочется, а еще прикоснуться языком, проверить, какой он на вкус.

– Идиотка!

Ударяю себя по щеке. Вскрикиваю от обжигающей боли и выбиваю странные мысли.

– Дура! Как так можно?! Я же Дэна минутами ранее целовала и принадлежать ему хотела, а теперь ощущаю себя... даже думать не хочу!

– Стоп.

Ловлю себя на том, что почему-то я про Серебрякова думаю в прошедшем времени...

Дверь со стороны водителя открывается, и машина прямо опускается, приняв в себя немалый вес мужчины. Смотрю в зеркало заднего вида и встречаю взгляд ртутных глаз – бешеный, темный, прошибающий насквозь. Коленки сильнее сжимаю. Внутри странное томление и трепет.

Смотрю в это красивое лицо и понимаю, что Фил не так, чтобы уж слишком старше меня, а кажется, что нас с ним овраг прожитых лет разделяет.

– Ну что, принцесса, хватит, может, экстрима на сегодня? – подмигивает задорно и почву из-под ног выбивает. Я ведь ожидала, что будет кричать и давить, а он само спокойствие.

Не нахожусь с ответом и Гринвуд продолжает ухмыляться.

– Может, еще с какими подружками встретиться хочешь, а, Маша?

Говорит слишком спокойно, а у меня на затылке волосы приподнимаются от страха. Дэниел! Если отец, узнает с кем

я встречалась, война будет!

Вскидываю взгляд и, видно, выдаю свои мысли. Телохранитель ко мне оборачивается и взгляд серьезный в меня упирает. Тяжелый взгляд. Такой у отца и брата часто проскальзывает. Хищный. Мне именно сейчас страшно. Не тогда, когда пар выпускал, а именно сейчас.

Бровь приподнимает. Рассматривает меня и ждет. Выживает, как хищник жертву, учувший мой страх и смятение.

Язык к нёбу прилипает, но я не поддаюсь сомнениям. Опыт общения с подобными людьми у меня богатый.

– Не говори отцу об этой встрече. Я заплачу тебе любую сумму, в пределах разумного, конечно, – говорю ровно и смотрю прямо в глаза киллеру. Вызов бросаю. Если что, так и по понятиям базарить умею, как говорится, с молоком матери впитала.

– Охереть...

Ухмылка появляется странная и губы еще больше уродует, а я смотрю и так и тянет в ответ на этот белозубый порочный оскал заверещать в голос и бежать со всех ног.

– Чокнутая девочка... – себе под нос проговаривает, но я слышу, и от тембра этого с хрипотцой все внутри дрожать начинает.

– Отец не должен знать о моей встрече. Все, что хочешь, проси. Я не поскуплюсь. За ценой не встану. Жизнь любимого всего важнее.

Глава 11

Вдруг лицо маской становится, бледнеет весь и зубы сцепляет так, что кажется, я хруст слышу. Глаза вспыхивают пламенем, мерещится, что вулкан потревожила и сейчас нехило рванет. Серебряные клинки меня к месту пригвождают и боязно, что через секунду искромсают всю в кровь, в мясо.

Трясти начинает.

– Пряма на все за лошару своего готова, да? – словами плюется, как кобра. Смотрит странно. – А что же твой принц зассал, по-мужски не побазарил даже, и девка за него отдувается?

Неужели больно ему отчего-то? Глупости. Быть не может.

– Он нормальный! Не такой, как ты и тебе подобные, что все дела, ломая чужие кости, решают! Я люблю его! Он мое все! Он мой! А я – его! Тебе, роботу тупоголовому, не понять этого!

– Значит, схема неновая. Доводить охрану, чтобы от тебя отстали, и валить к пидору своему. Давно с ним трахаешься?

Рубит слова, и я воздухом давлюсь от подобной наглости! От глаз пылающих, черных сейчас с огромными зрачками. Краснею от того, насколько порочно сказанное им воспринимается.

– Это не твоего ума дело! Тебя моя личная жизнь не касается! Знай свое место, шакал! – мой голос звенит и дрожит.

Больно он бьет меня словами. Неожиданно и прямо в цель.

Злюсь и боюсь. Странный коктейль, приправленный негодованием.

Вот не фиг лезть! Я все еще девственница, но это мое дело.

Молчит. Не отвечает. Понимаю, что перегнула со своими беспомощными оскорблениями. Чувствую, что мне просто все спускали до этой секунды, не воспринимая мое мельтешение всерьез.

Звнящая тишина наполняет салон автомобиля. Резать можно нить, которая от меня к нему направляется и обратно. Током бьет. Кажется, что киллер сейчас вытащит свой ствол и изрешетит меня всю.

Мгновение.

Мой вскрик.

Его голодный взгляд.

Сильные руки вцепляются в мои плечи. Джокер просто тащит меня через салон на переднее сиденье, и я оказываюсь на коленях телохранителя с распахнутыми ногами.

Я просто сижу на нем, раздвинув ноги, и самым сокровенным упираюсь в жесткую материю джинсов с каменной плотью, спрятанной и давящей на меня сквозь преграду брюк и моих трусиков.

– Ох... – выдыхаю практически в жесткие губы и сопротивляюсь, ударяю его изо всех сил, пытаюсь вырваться.

Голову мою захватом пальцев фиксирует и уже в следу-

ющую секунду я узнаю, как его губы, изуродованные шрамом, чувствуются на моих собственных мягких и в удивлении приоткрытых.

Терпкий, горький запах всю меня окутывает. Поцелуй дико вкусный и агрессивный заставляет задохнуться от чувств, от безумия зверя, который гасит свою злость почти насилуя мой рот, тараня своим языком и царапая шрамом. Заставляя все внутри наполниться сладкой истомой.

И я понимаю, что он выцеловывает из меня всхлипы и стоны, а я буквально теряюсь от его мощи, растекаюсь паточкой по литым мышцам и сдерживаемой силе киллера.

“Соберись, Маша!” – на задворках ускользающего сознания полыхает мысль и заставляет меня сопротивляться, что есть силы.

Никто меня, кроме Дэна, никогда не целовал. Но... По сравнению с этим торнадо я, наверное, и не целовалась.

С Дэном было нежно и как-то мокро, а тут... цунами, сносящее и заставляющее отцепиться от мужчины с приоткрытым ртом, рвано глотать воздух, приходя в себя.

Внезапно ртутные глаза открываются и кажется, что я там вижу отголоски боли. Чудится, что раненый зверь на меня в эти секунды смотрит.

– Дежавю, мать его! – цедит слова и руки сильнее в меня впиваются, огонь на спине сквозь тонкую ткань чувствую. – Так не бывает...

Смотрит на меня не мигая. Взгляд под кожу впивается

подобно иглам, а я вся холодею. Понимаю, насколько развратна в эти секунды. Сижу, оседлав постороннего мужчину, чувствую его плоть под джинсами. Вздрыбленную. Огромную. Кажется, что не могу дышать. Всю меня словно парализует от его скрытой мощи, от мужественности.

Простреливает импульсом наслаждения от трения о грубую материю джинсов. Меня колотит в его горящих огнем руках. Это что-то сверхъестественное. Передо мной монстр, палач, безумный зверь, который может разорвать меня своими огромными ручищами на части.

А я готова для него, хочу ощутить его страсть, его одержимость, поддаться первобытному инстинкту. Фил Гринвуд – огонь. Безжалостный, всепоглощающий и уничтожающий все на своем пути. Он не потерпит сопротивления, он выбьет его из меня своими умелыми губами и сильными руками, заставит стонать, умолять о большем.

Мне становится дурно от все тех чувств, которые простреливают меня насквозь и ударяют в низ живота. Серебристые глаза следят за мной, улавливают всю палитру чувств, проскальзывающих на моем лице.

Мозолистые от оружия пальцы очерчивают линию моих губ. Гринвуд просто играет со мной, заставляет прикусить губу в растерянности. Забавляется, как зверь со своей законной добычей. Смотрю в темные графиты и ужасаюсь голоду, который вижу, дикости и бешенству.

– Красивая сука, – растягивает слова, а голос глухой, над-

треснутый, – от тебя вставляет, крышу сносит. Всего один поцелуй...

Замолкает, не договаривает, а у меня все тело мурашками покрывается. Горю. Пылаю. Он меня оскорбляет, но в голосе нотки восхищения.

Я безумна. Я сошла с ума от этого мужчины. Он яд. Может, успел мне впрыснуть что-то, прокусил клыками и в кровь послал галлюциноген, как знать... Как еще объяснить это помешательство?

– За такую красоту нужно казнить, – шершавая подушечка очерчивает линию скул, – от тебя мозг вырубает. И единственное, что я хочу сделать, кроме того, как разложить тебя на сиденье, это придушить за то, что все время провоцируешь.

– Я... – хочу ответить что-то едкое, поставить на место наглеца, но грубый палец останавливает поток моих слов и с силой вжимает губу в зубы, проскальзывает внутрь и я ощущаю солоноватый вкус его кожи на кончике языка.

Распахиваю глаза в шоке от удивительного желания податься вперед и облизнуть.

Что этот псих делает со мной, с моим телом? Что за странные чувства заставляет испытывать?

Джокер сейчас не делает ничего, просто смотрит мне в глаза, но взгляд ртутный, испепеляющий, кажется, что он одним этим взглядом имеет меня грязно, порочно, заставляет сотрясаться и хныкать в попытке убежать.

Он успокаивает и заставляет напрячься, расслабляет и все внутри сворачивает в дикую пружину. Сплошное противоречие.

Опытный. Опасный. Умеет играть с женским телом, умеет распалить страсть. И от понимания этого всего становится страшно.

– Машшша, – шипит мое имя, как будто чувствует все, о чем думаю, немного сползает на сиденье, сильными ногами упираясь в пол, а я почти кричу в голос от ощущения каменной плоти подо мной. Там что-то очень большое и пульсирующее, настолько, что мне просто становится страшно.

Этот неотесанный мужлан уже тащил меня по всему торговому центру, закинув на плечо, как безвольную вещь, как дичь, загнанную в угол. Тут действительно повадки хищника. И я пытаюсь отдалиться, уйти от подобного контакта, но сильная лапа опускается на мой зад и вжимает в его стальное тело.

– Отпусти... – шепчу в растерянности. Сейчас мне страшно от тех чувств, которые во мне пробуждает этот безумец, огненный и горячий. Он подавляет своей харизмой, распалает.

– Нет, – выдыхает рвано. – Не сопротивляйся... Ты этим только меня дразнишь...

Давит на мою поясницу, и я опять заваливаюсь на него. Ощущаю всю мощь мышц, словно там литые бронированные пластины, невероятная физическая сила...

– Ты псих... – выдыхаю в губы со шрамом.

– Еще какой, лисичка... не провоцируй. Я могу сделать в ответ тебе очень... приятно.

– Ненормальный...

Ухмыляется и не остается в долгу:

– Ведьма... красивая сука, от которой сносит крышу...

Щипает меня за ягодицу. Вскрик поглощают его губы. Взрыв в голове, искры, летящие и подавляющие волю, током бьет и все тело ощущается одной сплошной пульсацией.

Этот зверь способен меня рвать на куски, но его руки удивительно нежны, его губы могут терзать, но ощущаются негой, язык сплетается с моим и лишает возможности сделать вдох, голова кружится и мне кажется, что я парю, падаю, взмываю ввысь.

В мозгу бьется мысль, что все это дико неправильно, и единственное, что я могу сделать – это инстинктивно сжать зубы на его губах, с силой, пока металлический вкус его крови дурманом не стекает ко мне в рот.

Отстраняется от меня, а я смотрю на струйку крови, что капельками стекает из прокушенной губы.

Секунда и эти губы деформируются в кровавом оскале. Джокер. В эту секунду передо мной истинный Джокер, которого боятся до дрожи в поджилках. Отбитый на всю голову псих, маньяк, голодный до моего тела.

– Ведьмочка моя, – выдыхает с придыханием, словно комплимент говорит. – Рыжая бестия. Сколько страсти в этом

маленьком огненном ходячем бедствии...

– А ты конченный псих, еще и озабоченный!

Смотрит на меня, в глаза мои, а затем откидывает голову и хохочет, открыто, заразительно, со всей душой...

Подвисяю на нем, на красоте черт, рассматриваю мощный кадык, спрятанный под клеймом татуировки. Он органичен в своей роли. И рисунки эти, отличия, которые заработал в своем мире, ему идут.

Выдыхаю. Странные мысли, ужасные чувства... теряюсь.

Резко прекращает сменятся и ладонь опускается на мое горло.

Вот теперь я действительно смотрю в хладнокровное лицо киллера.

“Опасность” – вспыхивает в мозгу огненное пламя.

“Беги!” – вопят все инстинкты, но я, как зверек, испуганный появлением истинного хищника, прирастаю к месту и боюсь двинуться.

Глава 12

Держит меня не сильно, но ощутимо, заставляя пульс биться рвано где-то в висках. Все тело сковывает лед, он проникает сквозь поры под кожу и вымораживает изнутри.

Осознание накрывает, бьет наотмашь.

Я во власти зверя, который способен совершить со мной все, что угодно. Он может взять меня прямо здесь, в салоне автомобиля, как шлюху, и никто ему не указ.

Слезы накапливаются на дне глаз, они щиплют солью и обидой, заставляют трястись от подступающих рыданий. Я не готова к подобному, я не могу сопротивляться тайфуну и от этого очень больно.

– Успокойся... – хриплый голос заставляет сердце пропустить удар. Вроде Джокер сам себе сейчас это говорит и головой о сиденье прикладывается.

Взглядом скольжу по его лицу, искаженному, бледному сейчас. Замираю от красоты и правильности черт. Изучаю нос с небольшой горбинкой, хищный, не сломанный, от природы такой.

Выдыхает. Помутнение развеивается под жестким графитовым взглядом уже собранного и сосредоточенного мужчины.

– Давно ты с сыном Серебрякова снюхалась? – режет словами.

Замираю. Не ожидала, что догадается, с кем встречалась...

Понимает мой невысказанный вопрос и ухмыляется нагло.

– Маша, у меня профессиональная память на лица, и не узнать того, с чьей семьей мы на грани войны, довольно-таки странно, не находишь?

– Я его с детства люблю! – рявкаю, провоцирую, но не могу удержаться.

– Не зли меня, девочка, – отвечает рвано.

– Ты задал вопрос. Я ответила. Всю жизнь! Сколько себя помню! Всегда он был. Влюбилась с пеленок!

Рука на горле делает неопределенное движение, сильные пальцы жмут на какую-то точку, заставляя замолчать.

– Заметано. Только вот опыта в тебе не почувствовал. Губки сладкие, но неопытные, руки дрожат, не знаешь, куда деть, тело сочное, горячее, но...

Отпускает меня. Прикусывает кровоточащую губу. Молчит.

Ошалело смотрю в графиты и, наконец, прихожу в себя.

– Ты хоть понял, что натворил?! – выталкиваю слова из пересохшего горла. – Тебя за этот поцелуй на лоскуты порвут, если я отцу скажу!

Вдруг мысль в голове ракетой проносится, и я продолжаю:

– Я ничего не скажу об этом, если ты смолчишь о моем свидании!

Жду, что испугается, стушется, но на меня смотрит спокойная свинцовая гладь. Ни отголоска на мою угрозу.

Улыбается и опять на бесшабашного пацана становится похож. Пальцами, забитыми под завязку, по линии моей челюсти проходится.

– Красивая, шустрая лисичка, умненькая и хитрая...

Слова нежностью пропитаны, а во взгляде теплота, приподнимает бровь и приближает лицо к моему, а потом я слышу фразу, от которой все внутри сворачивается в жгучий пульсирующий узел:

– Маленькая сучка хочет меня сейчас на понт взять, ммм? – шепчет вопрос практически мне в губы, и меня обдает жаром.

Теряюсь от подобной наглости.

Не боится. Вижу.

Все бояться, а он спокоен.

Отца моего, которого все Кровавым Ваней зовут – не боится!

Понимает мой ошалелый взгляд. Руки с прядками медными играют, убирают с мокрых висков и пропускают сквозь пальцы.

Проходит по ощущениям вечность, прежде чем отвечает:

– Я смертник, малыш. Тварь с косой за мной по пятам ходит. Век короткий у таких, как я. Каждый день может быть последним. Так что я очень давно перестал бояться. Может, привык, а может, и псих с напрочь отбитым чувством само-

сохранения... как знать...

Смотрю с широко распахнутыми глазами и понимаю, что откровение сейчас слышу и боль. Глубоко под броней сильного мужчины живет что-то мучительное. Я ведь ничего не знаю об этом парне. Несложно предположить, как попадают на подобную тропу, через что проходят, чтобы завоевать отметки уважения...

– Не заполняй голову херней, – подмигивает вдруг, словно понял, о чем сейчас думаю. Суровое лицо меняется, добродушным каким-то становится, игривым.

– И вообще, получить поцелуй красавицы и умереть – тема стоящая, хотя секс лучше, после этого хоть на плаху. Я готов.

Голод проскальзывает в каждом слове. А подо мной исправное доказательство того, насколько он готов...

Мотаю головой. Бесстрашие на грани с помутнением...

Грубый палец продолжает нежно-нежно играть с моим локном, а губы, изуродованные шрамом, улыбаются совсем иначе. И не пугает оскалом волчьим. Наоборот, что-то внутри в ответ на такую теплоту как-то надрывно звенит.

Моргаю, прогоняю странные ощущения. Не очень понимаю, что именно сейчас происходит между мной и этим агрессивным мужчиной, за секунду сменившим амплитуду своего настроения.

– Они убьют его, понимаешь?! – вдруг жалобно скулю и меня прорывает. Слезы текут по щекам, оглушая меня от-

кровением, которое рвется из глубин сознания. – Отец с Серебряковым в ссоре, а Даня... Он совсем другой... Он не такой, далекий от все этих тем.

Джокер закрывает глаза на мгновения и совсем другим становится, когда вновь взгляд серый встречаю.

– Любишь пацана своего, да? – спрашивает тихо и в глаза мои впивается, ответы ищет, и я говорю то, во что верила всегда... до последних минут, проведённых с другим мужчиной в салоне автомобиля, но об этом я не готова сейчас думать...

– Очень. Больше жизни... – выдыхаю на грани слышимости.

– Понятно, – отвечает скупой и замолкает. Взгляд отводит. Гринвуд рассматривает машины, выезжающие с парковки, а я не могу отвести взгляд от профиля, резкого и грубого. Пальцы колет от желания провести по темно-русые волосы, хочется обнять, но я сжимаюсь вся и гоню прочь все сомнения, все чувства, навеянные близостью киллера.

Кажется, что Фил задумался о чем-то своем, далеком, о том, что причиняет боль.

– Я на редкость везучий парень... – усмехается странно и ссаживает меня с себя на соседнее сиденье, заводит машину. Мотор отзывается глухим рокотом.

Глава 13

Мэри Кац

Джокер играет пальцами, а я изучаю татуировки. Заслужил он каждую из них. На пальцах отметины уважения. Здесь историю жизни прочесть можно, если захотеть. Сложной жизни, наполненной утратами, потерями и болью.

Опять смотрю на крепко сбитого парня с широкими плечами и бицепсами с меня размером. О чем думает? Где сейчас? И почему мне это до жути интересно?

Фил Гринвуд не оставляет равнодушной к себе. Повадки у него уличные, грубиян и хам. Но вместе с тем. Чувствую его. Он естественный. Честный. Что думает, то и говорит. Без двойного дна.

Простой. Понятный. Надежностью от него веет. Такой дружит до последнего дыхания и защищает свое до смерти.

Откуда все эти мысли в моей голове... Я не знаю. Просто внутри какое-то тепло, родство чувствую.

Никогда прежде ничего подобного не ощущала.

Разворачивается ко мне корпусом уже собранный, отстраненный.

– Значит так, Рыжик, сегодняшней твой фортель с мудаком останется между нами.

В груди расцветает радость и вырывается наружу моей улыбкой до ушей. Джокер смотрит на мои губы и шурится

болезненно.

– Но на этом все. Больше послаблений не будет. Еще раз сбежишь от меня, или еще че выкинешь, сдам с потрохами отцу, пусть сам с тобой все решает.

– Хорошо, Джокер.

– Меня зовут Фил. Оставь кликуху для пацанских разборок.

– Хорошо, Фил, – повторяю, как болванчик.

– Лады, Маша. Еще с кем встретиться хочешь или погулять где? – иронизирует, а в глазах черти самбу танцуют.

– Давай домой...

Смотрит на меня с теплотой.

Вроде всего лишь слово, а звучит как-то интимно в полутемном салоне автомобиля рядом с сильным мужчиной, который всего мгновения назад хозяйничал у меня во рту.

Стоит вспомнить, как мурашки пробегают по всему телу. Отворачиваюсь к окну, и машина трогается с места.

Глава 14

Высокий лощенный брюнет, одетый в дорогой костюм-тройку с кипенно-белой хрустящей рубашкой, стоит посередине торгового центра и приковывает к себе внимание прохожих.

От этого молодого симпатичного мужчины с правильными, немного приторными чертами лица веет властью и уверенностью, которая сквозит в слегка узковатых губах с легкими мимическими морщинками по краям, выдающими в нем привычку поджимать губы в недовольстве.

Девчонки, проходящие мимо парня с глянцево блестящей обувью, наклонись к которой и увидишь свое изумленное отражение, оглядываются и шепчутся.

По виду эстет. Немного высокомерный, в меру наглый и уверенный в себе. Этот парень отличается лоском и блеском, хрустом зеленых купюр в кармане и все равно оставляет впечатление безобидного романтика, который в эту самую секунду растерян чем-то и негодует от бессилия...

За красивым глянцем часто скрывается уродство...

Дэниел Серебряков

Сука! Тварь! Блядь!

Вертятся ругательства на языке и внутри разворачивается смерч. У меня из-под носа уводят мою цыпу!

Внутри все ломит от идиотизма ситуации, но снаружи я похожу сейчас на дезориентированного придурка.

Шок, конечно, натуральный.

Не ожидал такого.

Наблюдаю, как ушлый телохранитель тащит Мэри на выход. Не просто рядовая шестерка. Высшая лига с клеймом ассасина на шее.

Твою мать! Каким ветром его приставили к Мэри?

Проныра Кац подстраховывается, чует неладное?

Случайность?

Вряд ли. Этот урод ничего не делает просто так. Матерый волчара что-то учуял...

Смотрю и туплю.

Я не знаю, как себя вести в этой дурацкой ситуации. Звать охрану? Устраивать прилюдные разборки? Нет. Огласка не нужна. Сам я не камикадзе и мало что могу противопоставить татуированному верзиле, на плече у которого сейчас висит моя цель.

Замечаю, как девчонка поднимается на локтях и бросает умоляющий взгляд на меня. Принимаю как можно более дебильное выражение лица напололам с недоумением и подношу руку к уху.

“Позвоню, Машенька”.

Я тебе обязательно позвоню. Крепко ты должна на мне сидеть, чтобы не сорвалась. Ты наша козырная карта и сыграешь еще...

Как только телохранитель скрывается из поля зрения, разворачиваюсь и иду в противоположную сторону. Чуть поодаль от меня вышагивают мои охранники. Не терплю шапок подле себя.

Не замечаю безликую толпу, тараню и пробиваю путь на выход из этого тараканника. Приближаюсь к эскалаторам и внезапно какая-то девица попадает под ноги, не успевает отойти с траектории.

– Ауч, осторожнее! – вскрикивает, а я останавливаюсь, ловлю за руку и разворачиваю идиотку к себе лицом.

Каменеет вся. В карих огромных глазах вспыхивает первобытный страх. Интересная реакция. Приторная маска паймальчика давно слетела с моего лица, и девчонка становится свидетельницей редкого откровения.

– Простите, – шепчет рассеянно, и я ловлю отголоски проскользнувшей затравленности.

Необычная реакция. Человек во многом недалеко ушел от сородичей из животного мира. Мы очень хорошо чувствуем опасность и более сильного хищника. Всегда.

Улыбаюсь, почувствовав, как сладко боится смазливая киска. Девчонка совсем бледнеет. Пытается вырвать руку.

В ответ пальцы сжимаются сильнее.

– Отпустите... – шепчет уже сдавленно, а в глазах слезы.

Продолжай, детка, в том же духе и сегодня же будешь жариться на вертеле.

Улыбка становится шире. Уже представляю, о чем еще бу-

дет умолять и как нежная кожа будет раскрашиваться в бордово-фиолетовый цвет настоящей страсти.

– Не прощаю, – отвечаю ядовито-добродушно и слышу писк.

Ухмыляюсь, нависая и принохиваясь. Аромат страха заполняет ноздри. Мне определенно нравится происходящее. Внутренний садист во мне во всю приглядывается к себе.

Я дико, просто адски расстроен и мне нужно немного успокоиться, развлечься. Моя Рыжуха пока недоступна, а вот трепещущая шатенка с нереальными глазами, наполненными страхом, подойдет.

– Десять тысяч.

– Что? – округляет глаза и губы складывает в букву “О”.

Цепляет. Реагирую.

Все, что мне нужно, я читаю в глазах. Отпускаю руку девчонки, и она отшатывается, бежит к эскалаторам со всех ног, словно за ней стая чертей гонится.

Ну, чертей вряд ли. Перегиб. А вот один заинтересовавшийся доминант есть в наличии.

Указательный и средний пальцы складываются в определенный жест-приказ. И двое крупных мужчин начинают незримое преследование указанной цели.

Сегодня в моем пентхаусе будет весело.

Выхожу на парковку. Стоит подойти к автомобилю, как вышколенный слуга подлетает и открывает передо мной дверь.

Сажусь на заднее сиденье и выхватываю “Верту” из кармана, верчу в руке.

Ситуация мне не нравится. Нарисовавшийся рядом с Машей амбал – это конкретная проблема.

Дело – дрянь. Нет. Это не просто хреново. Это, блядь, конец света.

Все планы к чертям, если Кац просечет игру.

– Никсон, газуй, – приказываю, нажимаю на кнопку и поднимаю перегородку между салоном и креслом водителя.

Ассасин меня напряг. Это проблема. Серьезная. Звоню по защищенной от прослушки линии.

– Да, Дэниел, – властный голос. Сцепляю зубы. Ненавижу приносить дурные вести. За это можно получить серьезное наказание.

– У нас проблема. Я спалился. К Кацовской шлюхе поставили ассасина.

Отец берет паузу. Переваривает информацию.

– Ты уверен?

– Своими глазами видел метку на шее. Он нас засек.

– Не по телефону... Жду в поместье, – жесткий ответ и отец отключается.

– Вот чего он вечно перестраховывается?! Старый хрен. Все забито, не подкопаться к линиям...

Нащупываю кнопку связи с водителем.

– Да, господин Серебряков.

– К отцу. В поместье. Скорее.

Отключаюсь и обдумываю ситуацию.

– Что будет, если Иван Крававый узнает о встречах? – спрашивает отражение в окне.

Риторический вопрос.

Примерно представляю, что он может за такое сделать. Не с воздуха ведь кликуха “Кровавый”.

Не слышал, чтобы Иван с бабами сильно зверствовал.

Хотя...

Тут ставки выше и игра иная идет. Влияние на кону.

Откидываюсь на сиденье и смотрю в телефон.

У всех есть слабости. У Мэри – это братец и отец. Жестокие и непоколебимые, как ей кажется, давящие и гнущие под себя.

Улыбаюсь. Наивная. Я хуже.

Я люблю тотальное подчинение, люблю ломать психику и вытрахивать всякое неповиновение, стирать грани и сотворять, подобно Пигмалиону, свою Галатею...

Простой и понятный скромняга Дэни – лишь маска. Мое альтер-эго. Когда-то я был этим парнем, но...

Есть много "но" и я уже не знаю, кто я на самом деле.

Одно ясно. Идет игра на контраст, и глупая мышка попадает в мышеловку.

Хитрую. Спланированную и с очень далекоидущими планами...

Глава 15

Мэри Кац

Просыпаюсь от солнечного луча, проникнувшего сквозь плохо прикрытую штору и бьющего прямо по глазам.

– Очешуешь! Опять забыла закрыть... – шиплю и сползаю с кровати. Откидываю буйную рыжую гриву назад и топаю к балконному окну. Одергиваю коротенькую шелковую алую ночнушку, которая после сна вся свалялась и едва прикрывает зад.

В глубоком вырезе под тюлем видны полушария груди, приподнятые материей так, что кажется, скоро выпадут наружу.

Идиотская, вульгарная тряпка, жутко неудобная, но я специально ношу подобные развратные пижамы с пеньюарами в поместье. Мой бунт и нота протеста жесткому контролю. Я таким макаром отучила еще Димитрия от привычки залетать ко мне, когда вздумается, для разборок.

Кто-то в подростковом возрасте красит волосы в синий цвет, кто-то стрижется под ноль и делает пирсинг, а вот мне доступна только такая форма протеста.

Причем такое непотребство я ношу только на каникулах, когда возвращаюсь домой.

В университетском кампусе у меня работают пижамой обычная майка с шортами.

А здесь я просто бунтую.

Босые ноги шлепают по теплому дубовому паркету, пока я тру глаза и провожу ладонями по лицу.

– Какая же ты идиотка, Ри! – вздыхаю.

Всю ночь не могла уснуть, а стоило провалиться в дрему, как перед глазами всплывали серебристые глаза безбашенного убийцы, который не побоялся поцеловать...

От воспоминаний кожу начинает покалывать и внутри, внизу живота ощущается странная пустота.

– Приди в себя! – негодуя щипаю себя за запястье и вскрикиваю. Со мной творится что-то непонятное, словно я в горячке с мокрыми трусиками в придачу.

Меня бьет крупной дрожью от воспоминаний о поцелуях, царапающих губы. Пальцы сами поднимаются к губам и ощупывают, пытаюсь поймать отголоски пережитого. Ласкаю себя, повторяя фантомные движения грубых мужских пальцев, задеваю соски...

Сладкая истома расползается внутри, и я ловлю себя на том, что не могу никак забыть ощущение пульсирующей горячей плоти, упирающейся в меня. Судя по всему, там просто огромное орудие...

– Мне нужен душ, – проговариваю скороговоркой и остаю наваливаюсь рядом с круглым столом, в центре которого стоит ваза с сиренью, вдыхаю чудесный аромат фиолетово-белого букета.

Прикусываю губу. Из всех цветов мне полюбилися имен-

но эти, которые цветут раз в год и дают насладиться своим ароматом совсем недолго.

В этом есть определенная символичность. Люблю цветы, которые цветут летом и ненавижу это время года, потому что вынуждена возвращаться домой.

В Оксфорде я более-менее свободна. Меня с этим особняком океан разделяет и отцу сложно отслеживать мои передвижения.

Когда ты под сильным контролем, ты учишься его всячески обходить.

И я научилась.

Да, я никогда не позволяю себе ничего криминального. Заучка, часами зубрящая названия косточек на латыни, может только зубоскалить. Я не особо хожу по студенческим вечеринкам и пати, но все-таки вдали от Штатов у меня зыбкая иллюзия свободы...

Переспать ни с кем не хотелось и бунтую я лишь ночнушками, а не загулами, как мои подруги. За подобное отец скальп живьем сдерет и... это не образно выражаясь.

Да и я как-то равнодушна к этой стороне жизни. Была. До вчерашнего помутнения в машине...

Наконец, отлипаю от цветов и подхожу к панорамным балконным окнам, но вместо того, чтобы закрыть штору, как собиралась, я оттягиваю бархатную материю лазурного цвета и выхожу на балкон.

Вдыхаю свежий воздух, пропитанный росой, и от утрен-

ней прохлады ощущаю мурашки, бегущие по всему телу.

Вглядываюсь вдаль. Там солдаты отца на площадке проводят тренировку. Бравые мужики в насквозь пропитанных потом майках или без них, в армейских или спортивных штанах пробегают положенный километраж.

Красивые спины сверкают, лоснятся и быстро удаляются в сторону леса, который тоже входит в личные владения отца.

У нас не поместье, а, скорее, крепость, укрепленный форт с огромной каменной стеной, опоясывающей территорию по всему периметру.

Раньше я любила гулять в чаще, грибы собирала с мамой, а отец с братом охотились. Там есть и охотничьи домики со всем необходимым на случай непогоды или просто если захочется отдохнуть на природе.

Мы часто так проводили время. Это было до того, как Дмитрий свалил, шваркнув дверь. Счастливчик. Мне подобного никто не позволит.

Вздыхаю.

– Может, позвонить братцу? Соскучилась...

Литые спины все дальше и дальше, почти скрываются в густой кромке леса. Красивые тела. Приятно смотреть. У отца все солдаты как на подбор. Личная армия царя.

– Добро пожаловать в ад... и мне здесь еще целых два месяца тусоваться.

Вдали слышны звуки выстрелов. Значит, тренировка в самом разгаре. Когда-то и Мит наравне с солдатами проходил

всю полосу препятствий и был всегда первым не потому, что он сын Ивана, а потому что на редкость опасный и непредсказуемый, хитрый засранец. Выносливый и решительный.

Звук, похожий на взрыв, бьет по ушам. На полигоне явно весело.

— Черт. Ну, здравствуй, дом, милый дом, признаюсь, я совсем не скучала... — кривлю губы в ухмылке, и уже хочу уйти с балкона, как вдруг взгляд выхватывает знакомый силуэт.

Сердце пропускает удар, когда фигура выходит из своего укрытия, решив показаться мне. Замираю. Сколько он здесь стоит?!

Встречаюсь с опасным блеском ртутных глаз, впивающихся в меня.

Подвисаю, изучая прорисованные, бугрящиеся мышцы замершего хищника. В Джокере чувствуется сила и огненный нрав.

Стальные глаза во всю рассматривают меня, скользят по волосам и лицу, застывают на губах и спускаются вниз, замирают на груди, нагло рассматривая мой откровенный наряд...

Я сейчас одета, как шлюха, но мне ни капельки не стыдно находиться под прицельным голодным взглядом киллера...

Чувствую, как соски натягивают клочок материи и грозятся разорвать ткань.

Смотрю на Фила, как загипнотизированная. Внезапно расставляет шире ноги, давая понять, как именно на него

действует увиденное, и в ответ меня опалает жаром.

Щурится, словно считывает все мои реакции, и сексуальная ухмылка растягивает четко очерченные губы, изувеченные шрамом. Упирает в меня похабный взгляд, наглый. Кажется, что ощупывает меня, заползает под тонкую преграду шелка и заполняет все нутро до предела.

Щеки горят. В горле першит и я не знаю, что делать с тем пламенем, которое скапливается внизу живота, увлажняя меня и делая готовой для этого хулигана.

Я прекрасно знаю физиологию и могу понять реакцию тела, но... это все заставляет меня смутиться.

В то же время такое наглое разглядывание не вызывает желания прикрыться и убежать. Что-то внутри меня откликается, сильно.

Опять смотрит мне в глаза и кажется, что в его взгляде вспыхивают молнии – серебристые, яркие, безумные. Передо мной тайфун, цунами готовый разразиться огненной бурей в любую секунду.

– Фил, – шепчут губы...

Вдруг все исчезает. Все чувства пропадают с волевого лица. Подбирается как-то и бросает взгляд в сторону, потом возвращает ко мне. Больше нет искорок веселья. Глаза холодные, колючие, ледяные.

От этого взгляда мороз по коже. Указывает мне в сторону балконной двери. Приказывает, чтобы проваливала с глаз.

Кажется, что получаю удар и чувствую всю дикость и глу-

пость ситуации. Становится обидно и я залетаю в свою комнату, хлопнув балконной дверью так, что стекло дребезжит.

– Грубый. Наглый. Неотесанный чурбан! – топаю ногами и сметаю со стола подвернувшуюся под руку вазу с сиренью.

Смотрю на изломанные цветы, а в глазах нещадно щиплет.

Собираю сирень с пола, не замечая соленых дорожек, что текут по щекам.

Глава 16

Фил Гринвуд

Зачем я торчу под балконом рыжей ведьмы?

Тупо остановился покурить. И хрен с того, что не ширюсь гадостью всякой. В особо редких случаях только дымом сигарет вытравливаю мысли.

Так себе отмазка. До сих пор не зажег курево. Просто стою и подышаю от желания увидеть свою рыжуху.

И мне по хер, что еще рано. Солнце только-только взошло. Спит принцесса. Тепленькая, разгоряченная девочка в кровати – прям картинками перед глазами, и хочется, чтобы она была в моей постели, рядом со мной, подо мной или на мне, неважно, поз много – все опробуем.

Фил, ты конкретно поехал...

Хочу уже дать себе мысленную затрещину и свалить, но улавливаю движение за занавеской, замираю. Сердце пропускает удар, бьет током, молнией пришибает, когда вижу то, что вижу.

Я сейчас удар под дых схлопотал. Вот конкретно воздух из легких выбило. Блядь. Ведьма рыжая!

Ее счастье, что все мужики по делам да в строю. Я бы глаза вырвал, если бы кто здесь вместо меня стоял и дрович на то, что вижу сейчас я!

Маленькая сучка. Наглая. Раскрепощенная. Дрянь. Кото-

рую я хочу до безумия и испытываю чистейшую, незамутненную, жгучую ярость. Я вообще не особо контролирую себя и сейчас дико ревную эту рыжуху. Просто в бешенстве.

Холли шит. Меня штырит так, что руки в кулаки сжимаются, и не знаю, чего мне больше хочется: запрыгнуть на чертов балкон и отодрать принцесску так, чтобы ноги свести не могла, или же впаять по рискованной заднице настоящим ремнем за то, что в таком виде красуется на улице.

Мне бы свалить от греха, но ноги не двигаются.

Фак. Маша. На балконе. В коротенькой. Шлюхастой. Ночнушке.

Вот это фортель. Примерная девочка, говорите? Где, мать ее? Передо мной знающая себе цену, уверенная, матерая стерва.

И если бы вчера не целовал, не чувствовал дрожащее тело, повелся бы на развратную картинку.

Ее счастье, что запомнил сладкий ротик, горячий и совершенно неискушенный, с нежными алыми лепестками губ...

Подходит ближе, облакачивается о перила.

Меня конкретно переключивает. Зачетное у нее тело.

Залипаю. Рассматриваю с жадностью. Молочная, шелковая кожа, очень бледная, нежная, как листок бумаги. Нажмешь резко и порвешь.

Красивая. Черт! Какая же красивая. Глаз не оторвать. Кажется, что вижу незаметную мелкую россыпь веснушек на носике.

Тело скручивает от желания, кровь к члену приливает и пульсирует нещадно.

Сколько мне понадобилось, чтобы так завестись?

Секунды, мать его.

Наклоняю голову и прохожусь пальцами по щетине. Пытаюсь собраться. Хочу, чтобы заметила меня и выхожу из укрытия.

Зеленые глаза с сонной поволокой вспыхивают, стоит взглядам скреститься. Как же хороша. С этими спутанными волосами, припухшими после сна красными губами. Твою мать! Такую только всю ночь иметь можно и все равно мало будет...

Торкает меня от нее всего и наказать охота за то, что в виде первой-классной эскортницы на балкон вышла, где любой ее увидеть может.

Моя. Фак. Никому не дам. Пальцем ни один мужик не коснется, а утырка ее порешаю, если снова всплывет. Трупом больше. Не вопрос.

Скольжу по ней голодным взглядом.

Сучка. Сексуальная. Раскрепощенная. С идеальным телом.

Ноги ровные, талия узкая и мягкие полушария стоят. От вида затвердевших сосков, которые явно хотят выпрыгнуть на свободу из узкого плена полупрозрачной фигни, у меня в горле ком становится. Да и вообще все в штанах реагирует, приходит в полную готовность.

Рассматриваю длиннющие ноги, едва прикрытые короткой сорочкой, и с моего ракурса снизу мне сейчас видны маленькие хлопковые трусы. Белые. Без фигни в виде бантиков и прочих вывертов.

Внутри что-то щелкает и заставляет успокоиться. Бельишко-то не подходит под обертку.

Ухмыляюсь. Маленькое рыжее противоречие...

Сладкое, острое и немного смешное, с веснушками. Ну не могу я ее воспринимать шлюхой, стервой или роковой телкой... Хотя, язык у нее иногда лезвием перочинного ножика чиркает по нервам...

Чуйка срабатывает еще до того, как на садовой полянке появляется гость.

Одним взглядом загоняю девчонку в дом.

Не хер перед всеми себя выставить.

Через секунды передо мной появляется крепкий пацан. Белесый весь, волосы неопределенного цвета, глаза рыбы. Типичная шестерка. Незаметный, невидимый. С такого даже взгляд соскальзывает и не цепляется.

Лицо никакое. Нос только прыщавый. Посыльным тут пока работает. Не особо кантовался раньше. По-любому заметил бы, запомнил. Это моя работа – улавливать и подмечать все.

Мужик заглядывает мне в глаза и быстро косится под ноги. Правильно, мне в глаза смотреть нельзя. Вызов бросать себе дороже. Я такой взгляд приучен выбивать на раз. У нас

в трущобах прямо в глаза смотрят либо равные, либо смертники.

– Джокер, тебя старший вызывает... – слышу блеклый голос и киваю.

Глава 17

Мэри Кац

Никак не могу выбросить из головы ледяной взгляд киллера. Меня сильно оскорбило безразличие в его глазах.

Мне казалось, что они пылали от голода, а оказалось, что он просто надо мной насмеялся.

Обида поднимает голову и становится до жути стыдно.

Прохожу в глубь комнаты и что есть сил пинаю все, что попадает в зону поражения. Бью ногой по несчастному креслу.

– Ай, – всхлипываю и поджимаю правую ногу от вспыхнувшей боли, прыгаю на левой. – Наглый! Неотесанный! Ненавижу!

Рычу от бессильной злобы. От обиды, потому что брата моего сильно напомнил. Мит тоже любитель приколоться! То же тесто...

Внезапно ловлю свое отражение в зеркальной двери гардеробной.

На меня смотрит дикая, рыжая фурия с растрепанными волосами, горящими глазами и пылающими щеками.

Рычу и бегу в ванную, откидываю шелковую сорочку и встаю под душ.

– Ой, – ору и выскакиваю из-под ледяных струй. – Не тот кран крутанула, дура!

Прикладываю руки к пылающим щекам.

– Что же ты со мной делаешь, Джокер?!

Выдыхаю, собираюсь. Вода теплеет и помогает вернуть контроль над мозгами. Беру гель, душистый аромат ванили и шоколада успокаивает, но стоит поднести губку и мазнуть по воспаленной плоти, как меня пробивает на стон. Кожа болезненно чувствительна и грудь потяжелела.

Прикрываю глаза и провожу пальцами по изгибам, размазывая пенку, а перед мысленным взором наглый серебряный взгляд и кривая ухмылка на чувственных губах.

Внутри все кипит и пульсирует, коленки дрожат и ноги подгибаются. Хочется, чтобы оказался рядом, успокоил болезненно пульсирующее тело.

– Очнись, идиотка! Ты что творишь?! – отбрасываю мочалку и резко выкручиваю кран. Вылетаю из кабинки.

Даже не высушиваю волосы, накидываю одежду, не прекращая чертыхаться.

– Хам. Боже, какой же он грубый... – закусываю губу. В Филе Гринвуде собрано все, от чего я стремлюсь убежать всю сознательную жизнь. Он просто редчайший букет наглости, хамства, упертости, силы и властности.

– С этим нужно что-то делать... – шепчу слова и пытаюсь убедить себя в том, что мне этот мужчина безразличен.

Но разве тело реагирует так на того, кто неприятен? Я вся горю и мне безумно хочется опять почувствовать губы со шрамом на своих губах, на своем теле. Почувствовать, как

прижимает к стальным мускулам, услышать неровное бие-
ние сердца и упасть в водоворот его бешеной страсти.

Прячу лицо в ладонях и понимаю, что опять плачу. Ути-
раю слезы и немного привожу себя в порядок.

Часы показывают почти девять.

Вылетаю в коридор и бегу к лестницам. Отец не прощает
опозданий. Маниакальная пунктуальность, которая даже за-
трагивает распорядок в доме.

– Нельзя опаздывать на завтрак, – говорю самой себе и
выхожу на лестницу, ведущую в холл из моего крыла.

Стоит немного спуститься по мраморным ступеням, как
начинаю слышать обрывки фраз и понимаю, кому именно
принадлежит голос.

Чем больше приближаюсь, тем отчетливее слышу Джоке-
ра, а затем вижу мощную спину отца и светлые волосы, акку-
ратно зачесанные назад в модельной стрижке. Папа сидит ко
мне спиной. Стол уже сервирован для завтрака. Подмечаю
серебро и хрусталь, фарфор нежно-голубого оттенка. Мама
любит бирюзу.

– Хорошо, Джокер, пока достаточно. Что конкретно пред-
принял?

– Все путем. Кого надо, поставили раком. Теперь будут
меньше трындеть и больше работать. Пули сберег, в ход не
пустил.

Замираю на ступенях.

Словно почувствовав мое появление, графитовые глаза

равнодушно стреляют в мою сторону. Ни мускул не дрогнул на наглющем лице.

Продолжает разговор, как ни в чем не бывало.

Не выдерживаю и показываю язык. Да, по-детски как-то, но вот бесит! Глаза прикрывает и зубы сцепляет с такой силой, что желваки ходуном ходят.

– Продолжай слежку. Все документы лично ко мне на стол. Мне не нравится, что в разных сферах у нас идут накладки. Пока это пахнет совпадениями, но я уже давно не верю в рок.

– Вчера еще сгорела точка. Мелкий клуб. Днем. Убытка не так, чтобы очень. Но меня это напрягло.

– Проверь. Лично.

Кивает в ответ отцу.

Продолжаю спускаться, как вдруг меня осеняет.

Вот оно, что меня так раздражает. В Джокере нет привычного слуху подчинения. Даже с отцом, когда говорит, впечатление такое, что на равных...

Опять упираю взгляд в Фила. И этим бесит. Похож на мужскую часть моего семейства. Все черты, которые терпеть не могу, в себе объединил.

Киплю. Не знаю, почему, но он меня выводит одним только своим видом. А еще равнодушие его никак не могу забыть. И поцелуй... Губы горят от его взгляда.

Всю ночь меня мучил. Я даже зубы пять раз почистила и прополоскала, а его горький безумный вкус все равно со

мной.

Клеймил меня! А теперь не замечает.

Наконец, оказываюсь в холле.

Отец при моем приближении слегка поворачивает ко мне голову. Иван Кац красивый, властный и чересчур жестокий мужчина, заточенный жизнью в тех кругах, в которых слабые не выживают.

Димитрий на него очень похож, унаследовал черты, правда, глаза у нас мамины. Зеленые. У Мита темные, насыщенные, мои чуть светлее.

Чмокаю колючую щеку и сажусь на свой стул. Бросаю косой взгляд на киллера.

– Пап, я позавтракать хочу, а при виде твоей шестерки кусок в горло не лезет! – бросаю колкость, словно гранату с вырванной чекой.

Только вот взрыва не слышу. Странная тишина накрывает оглушительным коконом, и я понимаю, что перегнула. Ассасин такого не спустит.

Молчу, опустив глаза в тарелку, и играю накрахмаленной салфеткой. Ощущаю, как две пары глаз буквально прожигают меня насквозь.

Язык мой – враг мой. Палюсь, как малолетка, демонстрируя, что не выношу этого напыщенного хама.

Не выдерживаю и все-таки отрываю взгляд от голубой тарелки с ромбообразным орнаментом и ловлю бешеный взгляд Гринвуда.

В серебристых глазах вспыхивают молнии, обещающие мне расправу.

Сглатываю. Отгоняю страх и поджимаю губы. Небрежно бросаю салфетку на колени. Показательно не реагирую на киллера.

И вообще, чем дальше от меня будет держаться, тем лучше.

Отец отпивает воды из бокала. Реагирует спокойно на мой выпад, разве что немного прищуривается. Привык, что мы с Дмитрием вечно препирались.

– Ты за базаром-то следи! – раздается глубокий, чуть хрипловатый голос, и я вскидываю изумленный взгляд на Джокера. – А то и я могу невоспитанной назвать.

Шок! Нет, не так. ШОК!

Я смотрю в наглющую морду подручного пса, потом перевожу ошарашенный взгляд на отца, который с каменным лицом наблюдает за нашей перепалкой.

Как-будто в прошлое вернулась, когда так же с братом цапались...

Раньше Дмитрия за малейшее неповиновение наказывали со всей жестокостью, но, к слову сказать, ничего отец не добился с братцем. Таким макарком только еще больше разъярил наследника и настроил против.

Брат – копия отца, только более усовершенствованная версия, закаленная в вечных схватках с предком.

Соскучилась... Хотя, как увижу, сразу расхочется язви-

тельную морду лицеизреть.

Чувствую, что не права, но педаль газа уже вдавлена в пол и мне остается лишь держать лицо кирпичом.

Джокер смотрит безотрывно. Взглядом дыру прожигает во мне, и кажется, что по его лицу ходят тени. Страшный. Леденящий душу своей изморозью. Вот сейчас я вижу настоящий облик профессионального киллера. Именно с таким бесстрастным выражением нажимают на курок.

На языке вертится очередная подколка...

Обезьянка получила гранату, грех не воспользоваться. Но меня останавливает громыхнувший и вспыхнувший молниями голос отца:

– Молчать! – рывкает так, что я слышу звон хрусталя. – Джокер, свободен. Об исполнении доложить.

Гринвуд резко разворачивается на пятках и вышагивает к двери. Спина напряжена так, что я вижу игру бугрящихся мышц, натягивающих материю и прорисовывающих всю силу ассасина.

Стоит Джокеру скрыться за дверью, как Иван ввинчивает в меня ледяной взгляд.

– Что это было, Мария?

– Прости, отец, – отвечаю обреченно. Я знаю, что неправ, но с этим парнем мне постоянно хочется кусаться и царапаться. Защищаю себя, как умею. Знаю, что глупо, но инстинкты вопят и я не могу ничего с собой поделать.

Папа прищуривается еще больше, и мне как-то разом воз-

дух перекрывает. Иван Кац знает толк в наказаниях и способен выбивать дурь одним словом.

Жестокий. Умеющий нащупывать на теле определенные точки, нажав на которые он может погрузить человека в агонию. На мне он этого умения не демонстрировал, но Димитрия однажды подобным способом заставил успокоиться.

– Маша. Заруби на носу. Запиши в ежедневник. Короче, запоминай. Еще раз заговоришь с ассасином не по делу и в подобной форме – накажу.

Холодею и прирастаю к стулу. Знаю, насколько жестким может быть.

– Этот солдат вообще без тормозов и выводить из себя, провоцировать не советую. Тебе шалость – ему голова с плеч. Ты поняла меня?

Ничего себе... А вот это что-то новенькое. И чем же этот бугай так отличился, что завоевал уважение Вани Кровавого?!

– Я поняла, отец... – отвечаю тихо.

– Что я пропустила?! – раздается звонкий голос мамы. Зеленоглазая блондинка элегантно присаживается на свое место подле отца. Бросает взгляд в сторону супруга и почему-то краснеет, как школьница.

– Ты сегодня припозднилась к завтраку, – пользуюсь моментом и перевожу стрелки на мать.

Опять очаровательно улыбается и поясняет:

– Бессонница замучила, уснула под утро и не смогла со-

скрести себя с кровати. Контрастный душ и вот я наконец-то в форме.

Слабая отмазка. Делаю вид, что не замечаю хищного блеска в глазах Вани Кровавого.

Понятное дело, какая там бессонница была у молодой и привлекательной женщины. И почему-то под красивой перевязью банта на шее мне виднеются отметины и засосы.

Тактично молчу и наливаю себе душистого чая, беру пирожное, вызвав очередное легкое неодобрение со стороны матери.

– Мамуль, выпечка сегодня дивная, тебе положить?

Аврора прикусывает губу и фыркает.

– Не будешь?! – наивно хлопаю глазами и хорошенько откусываю, испачкавшись в креме.

– Ешь на здоровье, Ри, – отвечает Аврора и отпивает воды из хрустального бокала.

Сдержанная до невозможности, доброжелательная и владеющая собой. С повадками прирожденной герцогини, хотя у мамы жизнь была не сахар. Я знаю. Она у меня боец.

Подмигивает мне и я улыбаюсь.

Эх... вот бы мне хоть капелюшечку маминого характера. Но нет. Я неисправимая заноза в заднице. Гены. Вот что ты будешь делать?! Сперва ляпаю, потом предпочитаю думать.

Что с меня взять?! Рыжее недоразумение. Димка меня в детстве вообще кляксой обзывал. Не могу не играть на нервах. Буйный нрав требует выхода.

Если у мужской половины нашей семьи это разборки со спаррингами на ринге, то мне остается просто кусаться и провоцировать...

Глава 18

– Сегодня мне звонил Уайт, – аккуратно промокнув губы салфеткой, информирует Аврора.

– Что хотел этот самоубийца от моей женщины? – заламывает бровь Иван.

Перевожу взгляд с матери на отца. Интересно сегодня день начинается. Папа шутит?! Такой игривый и немного мягкий отец бывает очень редко и исключительно в обществе Авроры.

– Ваня, – мама нараспев тянет имя и подмигивает, – он не по девочкам...

Отец бросает заинтересованный взгляд, немного исподлобья, щурится и кривит губы.

– Повезло твоему кутюрье...

Аврора смеется. У нее очень красивая улыбка. Где-то профессиональная, отработанная когда-то многочасовыми занятиями перед зеркалом, но дико заразительная.

– Маша, – обращается ко мне уже серьезная, но в глазах все еще видны отблески смеха, – мы с тобой приглашены посетить примерочную модельного дома “Живанши”.

Сначала не очень понимаю, к чему ведет мать, зачем примерочная? На фиг мне сдался кутюрье и прочее, как вдруг стучаю себя по лбу.

– Черт! Мать, я забыла! У вас же годовщина скоро! Ого,

это же... подожди, сколько лет вы уже в браке?!

Отец бросает косой взгляд на жену.

— Двадцать пять лет... — приподняв аккуратную бровь, отвечает Рора.

— Офигеть... — откидываюсь на спинку стула и во все глаза смотрю на предков. — Ничего себе, какие вы старые!

Язвлю, конечно.

— Ребенок, когда уже вырастешь?! — качает головой мама.

И мне вдруг становится не по себе. Вот язык у меня без мозгов.

— Ма, прости, я просто пошутила, — опять играю с несчастной салфеткой, которую я уже нещадно измяла.

— Не переживай, родная. Все правда. Мы с папой уже целую жизнь вместе. Я живу вместе с этим ужасным мужчиной дольше, чем жила до него.

Подвисаю, пытаюсь понять, что хочет донести до меня Аврора, и вдруг выстреливает. Ну да. Отец влетел в ее жизнь, когда ей чуть больше восемнадцати было, а с ним она уже двадцать пять лет.

— Мам, я не люблю математику и ребусы, — делаю забавную мордочку, скосив глаза к носу.

— Мария, — тяжелый голос отца призывает к порядку, и я перестаю дурачиться.

— Конечно, я пойду с тобой на примерку, — вздыхаю, потому что я терпеть не могу все эти высокосветские выходы, когда приходится играть роль добропорядочной наследницы

тире синего чулка.

Мне бы с девчонками в клуб завалиться да повеселиться от души, но Мэри Кац – это не имя, а прежде всего фамилия, которая идет впереди носительницы и опутывает меня железными цепями обязанностей и определенных правил, которых я должна придерживаться.

Может, я и веду себя как первоклассная стервозина из-за дикой нехватки кислорода, я хочу на свободу. Как любой девчонке, мне хочется немного экстрима в виде забегов по ночным клубам и танцев, езды на байках и посиделок в разношерстных компаниях.

Но мне этого не дано.

Откладываю добитую салфетку. Мама смотрит на меня с беспокойством. Понимает, что не все у меня гладко.

Аврора Кац – свет в нашем доме. Спокойная, мягка, любящая и вместе с тем кремень. Димитрий даже себя собирает в ее присутствии и особо не выходит в открытое столкновение с отцом.

Рора была в свое время одной из пяти эталонных моделей своего десятилетия. Дива и Муза известнейших модных домов.

Она плавала в водах высокой моды практически с самой юности. Но все сложилось так, что Аврора ушла с подиума. Она не любит говорить об этом.

– Дочь, если не хочешь, можешь не ехать.

Голос отвлекает от раздумий.

– Мам, все путем. Я поеду! Хочу, правда, сначала немного покататься на своей лапочке.

Встаю со своего места, обнимаю со спины Аврору и вдыхаю пряные духи. Аромат практически незаметный. Для того, чтобы ощутить, нужно подойти к ней так же близко, как я сейчас, и уткнуться в шею.

Целую бархатную щеку и ощущаю, как мама ласкает мои руки.

Отец не вмешивается. Молча наблюдает за нами, улыбаясь краешком губ.

Не могу долго находиться в унынии. Вечный двигатель. Все время нужно шевелиться.

Так я отбрасываю меланхолию по несбыточному и радуюсь скорой встрече с дорогим другом. Вернее, подругой. Такой же самовольной заразой, как и я!

У нас в поместье есть конюшня, где обитает моя любимица – великолепная чистокровная арабская кобыла.

Подарок отца, по которому я соскучилась.

Все никак не могу дойти до Демоницы.

Моя любимица меня успокаивает. Когда запрыгиваю на ее черную лоснящуюся спину, чувствую себя ветром. Свободным. Резким. Мчащимся туда, куда пожелает.

– Мария. Экипировка полная, – скупое чеканит слова отец.

– Я знаю.

– Я люблю тебя, Веснушка, – называет меня моим детским прозвищем Рора.

– И я, очень...

Отлипаю от мамы и хватаю со стола яблоко. Кусаю, смачно чавкнув.

Предвкушаю азарт и кураж, стремлюсь быстрее слинять.

– Я поскакала, – весело ставлю в известность предков.

Реально оденусь соответственно и пойду повидаюсь со своей Демоницей.

– Осторожнее только, – предупреждает мать и бросает на меня беспокойный взгляд.

Она не одобряет нашего с отцом увлечения лошадьми, вечно беспокоится...

– Мам, я в седле с двенадцати лет, не парься. Могу и в скачках участвовать, если захочу...

Бросаю фразу и бегу к лестницам.

Впереди встреча с дорогим другом!

Демоница заждалась!

Глава 19

Уже в полной классической экипировке, одетая в светлые бриджи, темно-синий редингот и длинные сапоги до колена, держа в руках специальный шлем, я иду в сторону конюшни.

Лошадей в загонах немного, конечно. У нас не ранчо, а поместье, немного вычурное, помпезное и гротескное. Во всем чувствуется власть и мощь Вани Кровавого, который построил свою империю в теневом мире.

Здесь каждый угол, каждый кустик переполнен моими детскими воспоминаниями. Прохожу по саду, где я часто пряталась.

Когда-то мы с братом могли вместе покататься на лошадях. Ну как вместе, он пускал своего скакуна в галоп, а Демоница рысцой спешила за ним.

Моя чернявая и его белоснежный Буян на дух не переносили друг друга, отождествляя наши теплые братско-сестринские отношения.

Двухэтажная деревянная постройка находится достаточно далеко от особняка. На душе как-то светлеет и настроение поднимается. Срываюсь на бег. Залетаю в здание, которое встречает меня запахом соломы и приятным слуху ржанием лошадей.

Солнце струится внутрь сквозь окна.

Помещение по всем традиционным канонам разделено на

индивидуальные для каждой лошади секции – стойла. Прохожу по дорожке между денниками и стоит дойти до моей любимицы, как слышу громкое ржание и стук копыт.

Прибавляю скорости и подлетаю к высунувшейся ко мне лошадке, обнимаю за шею, утыкаюсь в длинную шелковую гриву, имеющую специфический резкий животный запах.

Глажу, обнимаю свою девочку.

– Красавица... моя хорошая... – шепчу ласковые слова и всю меня переполняет умиление. Мы с моей питомицей практически вместе выросли. Но, как это и бывает, пришлось расстаться. Я уехала учиться, а у моей прелести появились жеребята.

– Скучала, лапа?

Спрашиваю, открываю дверь стойла и захожу.

– Хочешь, расчешу шерстку? – задаю вопрос, а сама уже беру щетку и принимаюсь вычесывать гриву. Лошадка косит на меня веселым глазом, знает, что скоро прокатимся с ветерком.

– Мисс Кац, здравствуйте! – слышу приятный мужской голос и оборачиваюсь, встречаясь взглядом с нашим пожилым конюхом.

Состарился он за время моего отсутствия еще больше, сгорбился как-то...

– Здравствуй, дядя Федя! – отвечаю весело, не хочу расстраивать старика своими наблюдениями. – Как вы тут без меня?

– Без вас тоскливо, мисс. Вас животные любят, – улыбается сквозь пушистые седые усы.

Замечаю в руке мужчины ведро и интересуюсь:

– А почему ты тяжести таскаешь? Где помощники?

– Ну что вы, Мэри, мне, старому, только в радость общение с животинкой. Все дела пацаны исправно выполняют, а я за красавицами нашими слежу.

Киваю, прислушиваясь к интонациям старика. Даже голос у него успокаивающий. Я у него научилась ухаживать за нашими привередами.

В детстве часто слушала, как он разговаривает с конем, рассказывает что-то и даже самый буйный зверь Буян позволял проводить все манипуляции.

– Как здоровье, Федя? – спрашиваю вскользь, а сама приглядываюсь к конюху с профессиональным интересом будущего врача.

Улыбается еще шире, глаза светятся теплотой и одобрением.

– Спасибо, мисс, немного сердце шалит в последнее время, а так без особых изменений.

– Артериальная гипертензия диагноз? – спрашиваю, внимательно приглядываясь и подмечая цвет лица, покраснения и прочие факторы.

– Совершенно верно! – на миг его лицо принимает задумчивое выражение, и мой старый друг спрашивает: – Мария, а как вы поняли? У меня на лбу, что ли, написано?

Веселые огоньки вспыхивают на дне старческих глаз. Подмигивает мне старый лис.

– Ничего сложного. Я ведь будущий врач не забыл, Федя? Просто предположила, ведь у большинства мужчин за шестьдесят с определенными жизненными привычками вырабатываются первые болячки. Курение, наличие лишнего веса, повышенный холестерин – все ведет к повышению артериального давления. Нагрузка на венозную систему может вылиться в не очень хорошую картину. Откажись от сигарет, не злоупотребляй алкоголем и жирной пищей, пей прописанные врачом таблетки и все придет в относительную норму.

– Ничего себе вы мне лекцию прочли! Спасибо, мисс, – весело отвечает мужчина, – за всем этим моя жена тщательно следит.

Немного смущаясь от теплоты, которую чувствую в старике. Я его глубоко внутри воспринимаю дедом, которого никогда не имела.

– Вам помочь с Демоницей, Мэри? – наконец нарушает молчание старичок.

– Нет, спасибо, Федя. Я соскучилась по своей красавице. Сама все сделаю.

– Хорошо, мисс. Вы зовите, если что вдруг понадобится.

– Обязательно, – отвечаю спокойно и опять принимаюсь вычесывать мощную спину скакуна.

Краем глаза замечаю, что мужчина топчется на месте и не спешит оставлять меня наедине с моим чудом.

Пару секунд промедления и я слышу фразу, произнесенную практически шепотом, но улавливаю слова и у меня теплеет на душе:

– Мы все вам очень рады, Мария...

Федор не ждет моего ответа и уходит.

Я включаю стерву только с определенным типажом мужчин. С теми, в ком вижу знакомые черты. Наверное, защитный механизм срабатывает, возвращенный с самого детства.

Есть тип уверенных и сильных мужиков, которым море по колено, от них веет опасностью.

Они дают и заставляют прогибаться. Существует единственно верное мнение – их, а тебя заставят подчиниться...

Глава 20

– Прокатимся с ветерком, а, детка?

Провожу по шелковистой гриве и запрыгиваю в седло. Вылетаю из конюшни. Навстречу свободе и ветру.

– Давай, милая! Покажи себя! Юхууу!

Кричу. Подбадриваю любимицу, и она отвечает мне, мелодично заржав. Смеюсь. В какой-то момент волосы, небрежно стянутые в узел, рассыпаются по плечам, и я понимаю, что забыла шлем в деннике, но не собираюсь возвращаться. И так хорошо.

– Аааа, – кричу во все горло, сбрасывая с себя все оковы.

Стремительная скачка. Как же я скучала! Ветер в ушах и ощущения свободы, которой мне так не хватает в жизни.

У нас огромное поместье с прилегающей территорией и журчащим ручейком близь леса. Туда я и направляю свою резвую лошадку.

Мы почти доскакали до воды, когда Демоница переходит в галоп, но вдруг лошадь неудачно ставит ногу на камень, непокорная прядка бьет по глазам и лишает фокусировки. Все происходит в одно мгновение. Животное встает на дыбы, а я по инерции тащу за поводья и совершаю ошибку.

Демоница теряет равновесие и я с визгом, ослепленная и дезориентированная, лечу на землю. То, что происходит, может стоить мне переломанных костей, готовлюсь получить

оглушительный удар и быть придавленной огромной тушей, но вместо этого влетаю в твердую глыбу, которая почему-то сжимается стальным кольцом, обвивается вокруг меня, закручивается в железные тиски и меня уносит в сторону от бешено ржущей и заваливающейся на бок лошади.

Открываю глаза и сквозь огненные пряди вижу скульптурное, грубое лицо с перечеркнутыми шрамом губами.

– Интересный способ самоубиться, – бросает резко, – ты во всем оригинальна...

Гринвуд собран и серьезен. Смотрю в холодное, отстраненное лицо и понимаю: вот так Джокер выглядит при исполнении своих обязанностей по защите.

Отточенная, хорошо скоординированная машина с почти нечеловеческой быстротой реакции. Я с трудом осознаю его ловкость и уровень подготовки для выполнения такого культа.

Однако его равнодушие не длится долго. Сердце под моими руками начинает биться быстрее, а во взгляде полыхают искры. Понимаю, что нахожусь на руках Гринвуда и мне тут очень комфортно...

Злюсь на себя за подобные мысли.

– Отпусти меня! Живо! – отталкиваю Фила и упираюсь руками в стену из проработанных мышц.

Что-то странное проскальзывает на его лице, кажется, что тень промелькнула.

– Уже! – рывкает и распахивает руки, и я лечу к ногам

несносного мужика. Шмякаюсь об землю, больно прикладываюсь, вскрикиваю, запрокидываю голову и в бешенстве смотрю в надменное холодное лицо.

– Принцесса приказала. Слуга исполнил.

Разворачивается и уходит в сторону леса, поднимаюсь, готовая обрушить на широченную спину все проклятия. Невоспитанная сволочь. Животное. Хам.

– Ауч! – в ногу стреляет и болезненный стон слетает с губ. Заваливаюсь обратно на нагретую солнечными лучами землю и ухватываюсь пальцами за влажную траву.

Пытаюсь отдышаться.

Больно...

Неожиданно перед глазами возникают мощные ноги в огромной обуви. Джокер опускается на корточки, и я уже вижу темно-синие джинсы и развитую грудную клетку.

У этого верзилы красивое тело настоящего атлета. Рельефные, мускулистые линии мышц, раскачанный пресс с четким рисунком кубиков, внушительные плечи.

Он не перекачан, не набит анаболиками, на которых наращивают мышечную массу будущие пациенты урологов. Нет. В Гринвуде природная сила, сухое тело хищника, поджарое, без грамма жира. А еще у него безумно красивые руки с переплетенными вязями татуировок и проступающими венами.

Врач во мне исследует его даже сейчас с профессиональ-

ным любопытством и женским азартом.

– Ведьма. Красивая. Вздорная. Принцесска.

Смотрю в лицо с жидким азотом пылающих глаз, обрамленных темными пушистыми ресницами.

У него тяжелый взгляд, пробирающий и заставляющий внутри меня что-то сжиматься в страхе.

Приглядываюсь внимательнее к лицу с росчерком шрама. Мужественный. С грубоватыми чертами и немного массивной челюстью. Отталкивающий и притягательный одновременно.

– Язва рыжая. Допрыгаешься, что завалю прямо на этой траве и оттрахаю хорошенько. Этого хочешь? Чего добиваешься, маленькая, ммм?

Сглатываю неожиданно вязкую слюну и смотрю, открыв в изумлении рот. Красивый некрасивый монстр с безумной харизмой нависает надо мной и приближает лицо к моему. Он весь, как спичка. Тронешь – вспыхнет, взорвется. Бешеная энергетика. Никакого контроля.

– Я не железный, девочка. И конкретно на тебя реагирую очень неоднозначно. Не провоцируй.

Дотрагивается до моей скулы указательным пальцем и чертит линию, а я замираю, не отшатываюсь, наоборот, заставляю себя остаться на месте и не прильнуть к киллеру.

– Совет избалованной девочке. Не базарь со взрослыми опасными дядями. Я спускаю тебе твои закидоны, пока. Но уверяю, тебе не понравится то, каким я могу быть.

Жестокие слова, которые вбивает в меня, глядя прямо в глаза, действуют подобно контрасту с нежностью пальца, который уже очерчивает линию моих губ.

– Хочу тебя, принцесса, так, что яйца звенят. Заводишь меня своей хрупкостью и язычком, которому я могу найти оптимальное применение.

От этих слов жар обдает, и ласка его пальца находит отклик внутри, что-то звенит и трепещет в ожидании, когда же ассасин выполнит угрозу. И разумом понимаю, что не блефует. Сделает. Все выполнит. Страха в нем нет. Тормозов нет. Ужасный человек. Прирожденный убийца.

– Хватит, – с губ срывается шепот, а внутри меня незнакомая, порочная Маша шипит дикой кошкой:

Продолжай! Сделай меня своей! Покажи, какой ты... Погрузи в водоворот страсти настоящего хищника.

Часто моргаю и дышу, пытаюсь собраться. Напарываюсь на ртутный взгляд. Улыбается, как будто мысли мои прочитал.

– Боишься, потому что течешь от меня. Вижу, как блестят глаза. Несложно мужику понять, когда сука его хочет.

Рука взлетает, но у Гринвуда молниеносная реакция. Хватает мою ладонь и не дает нанести пощечину.

В серых глазах плещутся молнии.

– Всегда давать сдачи – инстинкт. Редко уступаю и позволяю задеть себя. Привыкай, Маша. Я говорю прямо. В лоб. И правду. Не нравится?

Мотаю головой, в глазах щиплет от слез. Разворачивает мою руку тыльной стороной и прикладывает губы к пульсирующей венке, провидит горячим языком и заставляет всхлипнуть от укуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.